

НИКОЛАЙ БОЙКОВ

ЗАЛИВ БЕЛОГО ПРИЗРАКА

ФАНТАСТИКА

Николай Бойков Залив белого призрака. Фантастика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25095540

ISBN 9785448540073

Аннотация

Эта книга – фантастика в реальном мире, фантазии языка, лассо летящей темы, сочная подробность деталей... Ничего нового. Антология жизни в стихах и прозе, в морях и на сцене. Фантастика быть вдвоём, один на один – с автором, с книгой, с самим собой. Здесь, как и в предыдущих книгах, песни на стихи автора. В «Ридеро» изданы книги Н. Бойкова «Африканский капкан», «Берега и волны» (проза); «Южная женщина», «Дом на волне», «Песчинка, господа поколение» (пьесы); «Так осень тянется к весне» (стихи).

Содержание

МОСТ, ПРОВИНЦИЯ, ЛИНКОР	5
ЗАЛИВ БЕЛОГО ПРИЗРАКА	8
Улитка по склону Фудзи	9
Юра – третий помощник	17
Сгущёнка. Шахматы. Романс	21
Разведчики	29
Анабиоз	37
Подземелье	44
В царстве мёртвых	48
Шторм	57
Жить или умереть?	64
Преисподняя	69
Возвращение на судно	73
Призрак	78
ЛЁД В БОКАЛАХ	87
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Залив белого призрака

Фантастика

Николай Бойков

Редактор Александра Быстрова

© Николай Бойков, 2017

ISBN 978-5-4485-4007-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МОСТ, ПРОВИНЦИЯ, ЛИНКОР

Николай Дмитриевич Бойков – автор нескольких книг поэзии, прозы, пьес, капитан дальнего плавания, романтик и публицист, автор многих идей по проектированию и применению морских катамаранов, сын морского офицера и мальчик из гарнизона, уехавший в первую свою экспедицию из Геленджика на Каспий после восьмого класса...

Первым его приключением стала дорога в школу: мимо казарм, стадиона, поля, по мосту через речку Бельбек, через качинское шоссе, на сопку по тропке, мимо двух дзотов с окопчиками на виду знаменитой севастопольской батареи, полчаса вверх, пока не откроется вид на далёкий рейд, с линкором и горизонтом, и школа над виноградниками совхоза имени Софьи Перовской – просто фантастика!

Почему так подробно? Все подробности – от старых татарских названий до труб линкора – всё отразилось в характере и мечтах, в порыве к движению, увлечённости, в провинциальном отсутствии всяких амбиций, легкости поворотов судьбы и занятий.

Поступал в медицинский, учился на мехмате и в горном институте, окончил литературный и мореходное училище. Работал техником-топографом, техником-геофизиком, судоводителем, стал капитаном дальнего плавания – все это с памятью о мальчишках из гарнизона, башнях батареи

из окон школы, мечтах о далёких плаваниях и о белой луне на дневном небе.

Когда послал первые рассказы на творческий конкурс во ВГИК на сценарный и в Литературный институт одновременно, оказалось, что срок официального приёма во ВГИК закончился, но в письме за подписью Марка Захарова предлагалось приехать и поступать. Увы, выехать из экспедиции летом – большая проблема, думать положено быстро – выбрал литинститут, полагаясь на будущее. Будущее увело в провинцию, далёкую как ссылка, по морям-океанам, к письму и творчеству по законам морского жанра. Так пишут в судовом журнале – кратко и быстро, факт раздроблен пунктиром на обрывках времени...

Поэзия и проза, составившие первые книги, были не чётким отражением моря и морской романтики. На море не служат, а живут теми же муками и страстями, что и на берегу, только любовь с навигацией путают и наколки рисуют мальчишеские – парус, якорь, чайка. Фантастика.

Первые рейсы проявили стремление видеть жизнь шире, чем байки на камбузе и команды на палубе, но владеть механизмом выкладки слов и событий в буквы и строки на белом листе оказалось не просто. Сложился свой стиль – не торопливый, обрастающий массой подробностей, сочных как спелая вишня. Взгляд обрёл фокус двойного зрения, как дерево в свете заката: яркие краски с одной стороны, с другой – длинная тень мне под ноги... Пытался реконструиро-

вать тему приёмом другого жанра: переписывал собственные рассказы в вариантах пьес и киносценариев. Но и этого оказалось мало – попробовал жанр фантастики. А что не фантастика в нашей жизни? Россыпь талантов на свалке страны советов? Капитан и одесситка на Пересыпи? Моряки в африканских клетках? Абрикосовый сад в оранжевом цвете расцвета? Любовь и одиночество за одну ночь? Лёд Антарктиды в бокалах с виски и моряк в космическом корабле? Слова из далёкого детства – более честные и справедливые, чем законы цивилизованного правосудия? Все это из книг «Африканский капкан», «Берега и волны», «Залив белого призрака».

Фантастика реальной жизни и фантастического выживания. Космический робот Финк пытался понять людей, любопытно повторяя приём путешествий «из Петербурга в Москву» или «Гулливера», но потерял свою голову на усталой дороге. Чему удивляться? Сам Лев Николаевич Толстой с его «Анной Карениной» и «Воскресением» не выдержал и ушёл босиком на станцию, бросив труды и книги... Тысячи лет: белая луна в дневном небе, мост через речку, гарнизон, провинция, линкор... Фантастика!

Ничего нового. Антология одной жизни в стихах или в прозе, в морях и на сцене. Фантастика быть вдвоём, один на один – с автором, с книгой, с самим собой.

ЗАЛИВ БЕЛОГО ПРИЗРАКА

Моим друзьям в морях и вьюгах

Улитка по склону Фудзи

Судно замедлило ход. Береговой бриз гнал нам навстречу мелкую рябь, обломки льдин и редкие барашки волн – всё остро холодное и противное нашему приближению. Залив, казалось, остывал на глазах, и воздух его замерзал и сковывал всякое движение, даже ветер вдруг сжался и стих, когда мы повернули в сторону ледника.

Берег смотрел на нас глазом воды, сине-зелёным, насто-роженным и предупреждающим.

– Он следит за нами, – заметил третий помощник.

– Кто? – Чиф¹ повернул голову.

– Берег.

– Ты ещё скажи, что он открыл глаза от нашего приближения?

– А что?

Третий принял вызов:

– Я читал, что в Якутии мамонтёнок почти ожил, когда его раскопали археологи.

– И побежал?

– Нет, – третий стушевался, – ноги разморозились, а головы у него не было.

– Ты не путай север с югом – здесь пингвины, а не мамонты, – улыбнулся чиф.

¹ Чиф – старший помощник (морской жаргон).

На мостике четверо: капитан, два помощника и матрос. Звуков судового двигателя не слышно – только лёгкая вибрация под ногами. Звуки моря обрезаны контуром рубки – только горсть жестких снежинок в лобовые иллюминаторы бросил шквальный порыв, и они побежали по стеклу, шурша и подпрыгивая, как живые. Разговаривали в полголоса, будто дома:

– Температура воздуха быстро падает, – заметил третий помощник, – было минус двенадцать, а теперь – двадцать. Почему?

– Ледник. – Произнёс капитан одно слово, считая объяснение исчерпывающим.

Чиф глянул на эхолот и произнёс успокоительно:

– Дно ровное, как линия горизонта. Эхолот показывает 92 метра.

– Ледник проутюжил и выровнял. – Капитан посмотрел на горизонт, будто там это было видно, и пояснил кратко: – Здесь он сползает с берега, касается дна и колется ледяными полями, скользя в океанское плавание.

– Дистанция до берега две мили, – доложил старпом.

На мостик поднялся начальник экспедиции, услышав последнюю фразу, спросил капитана:

– Может, нам не надо подходить ближе? Расхождения берегов на картах до шести миль², будто они живые и ползают. Это не опасно?

² Миля (морская) – 1852 метра.

– Не употребляйте незнакомых слов, сэр, – капитан снисходительно покачал головой, – это вредно.

– Капитан второго судна ближе трех миль к берегу не подходит. Соблюдает Кодекс³ предосторожности.

– Безопасности.

– Да, точно. Разведчиков высаживаем на катер, к берегу они идут сами.

– Что вы говорите? Трёх человек в резиновой лодке вверяют воле волн? Странная предосторожность, вы не находите?

– Почему?

– Шлюпку на воде и в сотне метров не всегда увидишь, а на дистанции трех миль она для нас потеряна. Это, уважаемый, отсутствие хорошей морской практики, а не Кодекс безопасности.

– Им платят за риск.

– Извините, риск – это ответственность капитана. Я её на чужие плечи не перекладываю. Не зарплатой меряю, а людьми. К берегу постараемся подойти максимально близко, чтобы катер наблюдать и отслеживать, а в случае опасности – будем иметь шанс оказать разведчикам помощь.

– Они прошли спецкурс выживания: туман, пурга, холод... Риск – это их работа.

– Моя работа – беречь экипаж. По моей команде на риск идут, по моему разумению – возвращаются.

³ Свод законов морского взаимодействия.

– Да-да, я помню: капитан на борту – бог. Я не вмешиваюсь. Спросил – ухожу. Я могу записать в журнал наш разговор?

– Разумеется, сэр.

– Спокойной вахты, как у вас говорят. – Начальник экспедиции привычно поправил рукой живот, направляя его с мостика.

– Сэр-начальник! – иронично промолвил чиф, когда дверь за сэром закрылась. Капитан посмотрел на помощника и тот понял, что комментарий не нужен. – Простите, мастер⁴.

Прошло еще полчаса. Голос третьего помощника затрепетал, как флажок от ветра:

– Глубина пошла вниз! 120, 165... Вверх! 90, 95, 80... Вниз: 130, 148, 171... Вверх: 127, 70, 50... Горы какие-то.

– Такие же, как и на берегу. – Старпом повернулся к рулевому: – Будешь голосом эхолота! Сможешь?

Рулевой начал считывать показания глубины с интонацией автомата:

– ... 57, 75, 94, 111, 62, 78, 151...

Юра перешёл к штурманскому столу.

Капитан взял чашку кофе:

– Добро. Ход сбавить до среднего. Предупредить машину о возможности маневров... Боцмана – на бак! Пусть оденется потеплее. Сейчас повернём в залив.

– 150, 140, 130, 105... Дно выравнивается...

⁴ Мастер – капитан (морской жаргон).

Судно задрожало от порыва ветра, прилетевшего из-за мыса. Загудели мачта и ванты. По всему корпусу прошла реактивная дрожь и отлетела, как стая испуганных птиц.

– Зыбь метр-полтора, ровная.

– Это хорошо, чиф. – Капитан повернулся к старшему помощнику. – Теперь самое важное – вместе с Юрой замечайте на воде изменения цвета и водовороты.

– На карте подводных препятствий нет, – отреагировал третий, молодо и уверенно. – Промеры делали с борта английского эсминца. Это на карте написано.

– Юра, а вы прочитали в лоции, что в акваторию залива эсинец не заходил, съёмку прибрежной зоны выполняли по льду, выборочно, между торосами и полыньями.

– Не читал. А как же тогда мы подойдём ближе?

– Зыбь рвётся и крутится над мелководьем, понимаете, Юра?

– Не понимаю.

– Видите на берегу фигуры чёрных скал? Они говорят о местных особенностях геологии: столбами стоят над заснеженным полем. Вон тот, справа, метров сто высотой. Так они и под водой стоять могут.

– С берега в море не спустятся, – Юра улыбнулся и развёл руками для наглядности. – Нам не опасно.

– Сомневаюсь, что не опасно. Рельеф берега продолжает геологию дна. Продолжает и демонстрирует нам с вами: «Смотрите, господа штурмана, на эти восклицательные зна-

ки! Смотрите и предполагайте стоячие фаллосы под волной». Вспомните, как далеко в море тянется белый прибой от скалистого мыса в штормовую погоду? Волны пляшут на мелководье, как ангелы над покойником. Поэтому мы и крутимся уже два часа, присматриваемся. К малоизвестному берегу безопаснее подходить не в штиль, а в хорошую зыбь, господа помощники.

– Нас такому не учили.

– Учитесь.

– Сомневаться в карте? – обиделся Юра.

– Сомнения рождают вопросы. – Капитан опять смолк, поднимая к глазам бинокль.

Молодой помощник не успокаивался. Разговор отвлекал от дурных предчувствий, он снова посмотрел на мастера, спрашивая почти шепотом:

– Разве капитанам позволено сомневаться?

– В сомнениях – наша суть.

– Чья?

– Ваша, моя, чифа... Но сейчас, Юра, вахта, берег, опасности. Не отвлекаться. Хорошо?

– Ясно. А вы – каким картам больше доверяете, господин капитан? Голландским? Британским? Русским? Или карте немецких подводников? Такая в них разница по координатам, видели? Сэр заметил...

Старший помощник строго глянул на третьего, будто хотел сказать: «Тебе же дали понять – не отвлекайся! Не по-

нял?» Матрос на руле даже втянул голову в плечи, ожидая реакции капитана. Но капитан, видимо, услышал в вопросе молодого нечто важное для себя, а может, для всего экипажа, ведь давно известно – капитан на мостике только вздохнёт, а по каютам волнение с беспокойством... Капитан произнёс совершенно обыденно:

– В прибрежном плавании не координаты важны, а береговая привязка деталей. Штурманская тетрадь китобоев и охотников за морским зверем важнее и интереснее, может быть, чем карта Адмиралтейства. Многие сюда приходили, волновались, и такие же, Юра, вопросы задавали капитанам. Потому что хотели вернуться домой. Это нормально. – Капитан расправил плечи и добавил молодцевато. – Под берегом не забалуешь. Координатами не защитишься.

– В океане идти спокойнее, – сказал старший помощник, – разве только на кита наедем?

– Так он унырнёт от нас, – догадался третий.

– Прибрежное плавание, господа помощники, это самая лучшая практика для судоводителя. Рефлекс определяет сознание.

– Как это?

– Так это. Не уверен – не подходи. Рефлексом боишься, а сознанием делаешь. Со знанием! Слышишь смысл? Рефлекс – от природы, знание – от тебя.

– Со-зна-ние... – Юра запутался в вопросах и ответах. – А смерть?

Капитан опустил бинокль:

– Смерть тоже осознанна, к ней долго готовишься. И сознание нас защищает.

– От смерти? Как?

– Ты её не увидишь. Перед тем, как умрёшь, потеряешь сознание – ни боли, ни страха, ни смерти.

– А даты на камне?

– А тебе эти цифры зачем?

– А если...

– Смерть не стоит такого внимания, думать надо о жизни, – капитан сменил тон: – Вахту никто не отменял! Усилить наблюдение!

На мостике все притихли. Только рулевой продолжал озвучивать показания эхолота. По мере движения судна ледник смещался к корме. Из белого безмолвия прорисовался мыс, открывая перспективу маленькой бухточки, переполненной птичьими стаями и лежбищами морского зверя. Старший помощник метался с биноклем с крыла на крыло. Матрос на руле был опытный, успевал видеть всё. Молодой помощник заметно волновался, вглядываясь в холодные волны. Берег приближался, поднимаясь в небо, как японская улитка по склону Фудзи.

Юра – третий помощник

Юра оглянулся на стену ледяного поля.

– Господин капитан! Ледник над заливом как радуга стал: красный, оранжевый, жёлтый зелёный, голубой... А конус вершины белый и яркий! – голос молодого помощника опять трепетал флажком.

– Молодец, Юра, что вы это замечаете. И не волнуйтесь так, всё будет хорошо.

– Слева пятнадцать, два кабельтова, водоворот крутится. Как будто там кит нырнул. Я на крыло выйду. – Старший помощник направился к правой двери.

– Куртку и шапку, чиф! – коротко произнёс кэп, не отрываясь от бинокля. – Дверь рубки открылась и закрылась, выпустив чифа и впустив порцию свежего ветра. – Юра, место на карту! Постарайтесь брать больше пеленгов – на водоворот, на мыс, чёрный камень над снегом.

– Есть, делаю! – Юра уже был у штурманского стола. Молодой голос выдавал его возбуждение, и капитан улыбнулся своей странной мысли: «Был счастлив и я молодым помощником...». Но произнес другое:

– Место на карту наносить каждые две минуты. Под берегом может спружинить течение. Нам это надо заметить. Очень важно.

Вошёл с крыла чиф:

– Есть член подводный, и пена волны холодной.

– Стихи?

– Стихия.

– Наблюдать внимательно... Пеленг на него постоянно...

– Облако на ледник садится...

– На высоком мысу хороший ориентир...

– Второй волноплеск! Справа десять, дистанция четыре кабельтовых... Там скала с ледяной шапкой...

– Есть место первой подводной! Три пеленга сошлись...

– Добро, Юра, добро.

Через сорок минут стали на якорь. Голос третьего помощника звучал радостью первооткрывателя:

– Глубина десять метров. Правого якоря три смычки на грунте. Дистанция до берега... Залив Белого призрака!

– Название откуда?

– Сам придумал... – третий помощник чувствовал себя на вершине глобуса. – Можно?

– Можно, Юрочка.

– А зачем нас сюда прислали, капитан? Воздух – минус 35!

– Увидеть Белого призрака.

– Моего? – рассмеялся молодой.

«Не дай бог, услышит и придёт...», – подумал чиф и хлестанул себя по губам, чтобы никто не услышал. На берегу что-то сверкнуло, может, солнечный луч по снежному полю, но мысль испугала догадкой: будто кто-то стоит в глыбе льда, замороженный намертво, только глаз один светится и следит,

прищуренный, как в прицел.

– Чиф! За погодой смотреть в оба. Здесь по три циклона в сутки меняются. Море шквалов, китов и зверя. Катер на воду, связь с разведчиками постоянно. Теперь наша главная опасность – разведчики.

– Почему, господин мастер?

– Читай историю морей и океанов: инициатива на флоте наказуема, – хохотнул старший помощник. – Разведка – главная инициатива.

– Разве может от них опасность? Они сами везде, как заноза?

– Именно поэтому, Юра, – ответил капитан.

– Не понимаю? – Юра, показалось, даже обиделся. – Они отчаяннее любого из нас. Куда угодно пойти могут. Не задумываясь!

– Потому и опасные. Они ведь и нас за собою потянут. Туда, где обычному человеку смерть. Вы, Юра, готовы?

– Я же не экстремал!

– Потому нам за ними в два глаза смотреть придётся. Понадобиться – в десять глаз смотреть будем. Мы в ответе за них, мы им прикрытие, база и вахта. Бережём, если мерить по жизни. Кроме нас, никого у них нет. И никто их не знает такими, по-звериному осторожными, по-змеиному острыми. Никто не поймет безрассудности. Никто не спасёт, кроме нас. Понятно? В этом вахта и жизнь.

– Чтобы их возвращение не пропустить?

– Чтобы всем нам в героев не играть. Очень не люблю подвигов. – Капитан умолк.

– Почему?

– Потому что подвиг одного, как правило, это небрежность другого. Не ясно? Один – не доглядел, отвлекся, зачитался... Другой – поймал кураж эмоций, укол адреналина... На мостике от этого аврал, звонки, призыв на подвиг. Представьте, Юра, вы – на вахте, вам – спасать, приказывать и посылать в ночное море. Кого пошлёте? Чья судьба? От ваших слов и чей-то подвиг, чья-то смерть, а вам, быть может, тюрьма, медаль и слёзы мамы...

– А кто пойдёт, господин капитан?

– Всегда найдутся в экипаже. Сложить нас вместе, мы – уродливая сороконожка, сложное и смешное чудовище. В машине с мазутом, на камбузе с ложкой, во сне – суеتمدимся, смеёмся, ворочаемся. Когда надо – стучим башмаками по трапам и палубе. Готов? Не готов? В море мы все как волна, то ли падаем, то ли растём до неба.

Капитан разговаривал с третьим помощником. Старший выходил на крыло, разговаривал по телефону с машиной, звонил боцману, делал записи в черновом журнале.

– Не устал ещё, чиф? На тебя вся надежда... Я в каюте, если что, – буду мигом.

– Работаем, капитан. – Чиф улыбнулся, он любил оставаться на мостике главным.

Сгущёнка. Шахматы. Романс

Разведчики были шустрые. Катер со снаряжением готов и проверен с вечера, висел за бортом с утра, лёг на воду и рванул к берегу, казалось, мгновенно, как только чиф вышел на крыло и махнул «добро». Когда проходили под крылом, он показал большим пальцем вверх, на удачу, и двое из троих в катере повторили жест, широко улыбаясь. Третий жадно вглядывался в береговые торосы и камни. Они все были внешне разными, но каждый считал себя самым удачливым. Вне опасности они ощущали пустоту и ненужность. Другие, нормальные и обычные, ощущали напряжённость пространства, когда оказывались рядом с разведчиками, как будто они притягивали к себе беду, как магнит тянет стрелку компаса. Трещина под ногами или небо на голову – это им только смех и прыжки через лужу.

Чиф поёжился и ушел в рубку, продолжая наблюдать и мурлыкать «песни якута», который, как говорят, что видит и делает, то и поёт: «...На берег ушли трое. Задача – поиск подводной лодки... Какая тут может быть лодка? Откуда? Чья? С какой целью? Фантастика... Связь с разведчиками постоянно. Доклад – каждые пятнадцать минут... Старший в группе... Странно, сэр-начальник ничего не говорил, но по судну гуляет версия, что лодку отправили в ледяное поле, как ракету к Большой Медведице. Кто произнёс

это первым? В группе разведчиков два бывших десантника и один геолог. Интересно, а что они думают о своем задании? Юра-третий сегодня нервничал на мосту, и я его понимаю...»

Третий помощник лежал на диване в своей каюте и думал, что ему замечательно повезло: чуточку страшно, слегка не понятно, таинственно и интересно. Многое его удивляло и всё радовало. Мир крутился в нём, как котёнок в тёплых руках.

Юра вспомнил вчерашний вечер, разговоры в кают-компании. Разведчики сидели вокруг обеденного стола. За шахматным – старпом и радист доигрывали партию, радист явно демонстрировал мастерство, а чиф – любительскую непредсказуемость и атаку. В углу на диване шёл вялый разговор о береговой жизни: вопрос – ответ.

– И как ты сюда попал? – Хочу найти кортик подводника. – Под водой? – Нет, во льду. – Подводник на лыжах потерял кортик? – Все засмеялись.

Самый молодой из разведчиков прислушивался и приглядывался. Ему и вопросов не задавали. «Самое главное на борту – быть нужным и никому не мешать, – так сказал капитан, когда Юра прибыл на судно. – Экипаж – это такая сорокоглазка, сороконожка и сорокоежка...». Юра запомнил. Второй из группы экстремалов ел ложкой сгущёнку, две пустые банки стояли рядом, а болельщики сидели вокруг.

– Экстрим, ты скоро превратишься в сгущёнку, – заметил

чиф. – Пьёшь её, как на подвиг решаешься.

– Люблю поесть сладко, грешен.

– Флот и камбуз – рай для грешников.

– Умеешь ты, чиф, сказать доходчиво, – заметил радист, на минуту забыв о шахматах.

– Доходчивей бывает только мат, марконя⁵! – чиф тронул пальцем короля.

Радист-гроссмейстер похохатывал над сладкоежкой и пропустил мимо ушей:

– Сгущённый, беспредел творишь! А каков предел твой?

– Без воды и чая могу выпить семь банок сгущёнки, – сказал экстремал, который шахматами не интересовался, показал всем пустую третью банку и поставил её на стол.

– Съешь ещё баночку, просто так? – предложил кто-то.

– Просто – это трудно. Просто так – не интересно. Я интерес люблю. Найти кортик подводника – это мне понравилось. Хорошая идея.

– Мат, – повторил чиф радисту. Все напряглись и посмотрели на шахматные фигуры. Радист вскочил с места и прошептал изумленно:

– Мне? Я думал, ты о нецензурной лексике, а ты и шах не объявлял?

– И шах, и мат, гроссмейстер. Думай, как есть.

Радист ещё никому не проигрывал, в кают-компании по-

⁵ Марконя – радист (морской жаргон).

висла тишина: как поведёт себя гроссмейстер? Но тот, похоже, считал на много ходов вперёд и теперь хотел выжать пользу из проигрыша, поучал победителя тоном тренера:

– Ты играешь без шахматной логики. В шахматах всё по теории. Я же давал тебе книжку с правилами. – Радист развёл руками. – А ты рубишь фигуры, как лесоруб. Где тебя учили?

– Я выиграл или нет? Горбач, ты самый умный здесь, это мат или нет?

– Конечно, чифуля. Практически. У самого гроссмейстера выиграл. Факт.

– А чего же он не признает факта? – чиф жаждал фанфар и признания.

– Марконя, – голос у Горбача спокойный и тихий, – не мучь чифа. Не надо приза. Скажи ему слово. Я дам ему гитару. И всем будет хорошо?

Радист встал и протянул победителю руку:

– Признаю. Только не задавайся. Это случайно. В теории ты слабак. Но тактика у тебя пробивная. Ценю. – Он вдруг улыбнулся, и все засмеялись. Чиф сразу смутился, принял пожатие, стал извиняться:

– Случайно получилось...

– Победа, друг, случайно не приходит. Поздравляю! Ты сегодня на коне. Грудь вперёд!

Чиф шевельнул плечами и грудью, стушевался, расслабился, развёл руки в стороны, потянулся за гитарой. Она, по-

казалось всем, потянулась к нему сама, слегка зазвенев:

– «Две гитары за стеной жалобно заныли, с детства памятный напев... ты ли это, ты ли?..» – Старпом пробежал по струнам громким аккордом и перешёл на романс, прошелестев скороговоркой: «исполняет автор...»

Я жил в любви, любил грешить и тратить,
Улыбки женские, как воздух, целовал...
Как верный пёс, тебя касался лапой,
Как верный раб, я радовал и звал...
Не замечал я горестей и муки,
Не испытал раскаяний и слёз,
Любую рану мне лечили руки
Твоей любви и нежных, прежних грёз.
Я так спешил твой взгляд окутать счастьем,
И каждый пальчик поцелуем я ловил...
Когда умру, не надо соучастья,
Скажите так: он умер от любви...
Всегда с тобой останется улыбка,
Всегда с тобой останутся слова.
Мой милый друг, ты так ко мне привыкла,
Как слушать музыку привыкла голова.
Играй и пой, пусть кто-то будет слушать.
Играй, мой друг, пусть сердце отболит,
Иных лекарств – гитара будет лучше,
Молчанье – поцелуевый мотив.

Раздались аплодисменты. Радист объявил громко:

– Я сегодня проиграл – ставлю на победителя: три банки сгущёнки! Кто может спеть не хуже?

Экстрим-сладкоежка среагировал первым:

– Эх, не потяну, мой талант – ложка. – Никто не засмеялся. Талантов у «ложечника» было два – сгущёнка и метание ножей.

Повисло молчание. Молодой экстрим, которого все называли «геолог» протянул руку к гитаре. Все замерли от неожиданности. Попробовал струны – гитара, как будто бы, сопротивлялась. Молодой сказал просто: «романс».

Прошли года, но так случилось,
Опять с тобой мы встретились вчера...
Твои глаза, зелёные, лучились,
Затанцевали наши вечера.
Смеёшься ты – и мне не удержаться.
Летит звезда – желанье загадай!
В том нет греха, успей ко мне прижаться,
И губы мне доверчиво отдай.
Я позабыл, но ты не позабыла,
Что столько лет в объятиях чужих,
Тебя любил, а ты меня любила...
Скажи – зачем? А лучше – промолчи.
А жизнь на всё своё имеет право.
Любимая, зачем мы разошлись?
Любовью мы, наверное, играли?
Наверно, так играла с нами жизнь?
Вечерний час – моей любви улика,

Безумно танго одинокое звучит,
О чем ты думаешь, скрываясь за улыбкой?
Скажи слова, а лучше – промолчи.

Все дружно захлопали. Старпом сделал строгое лицо и спросил с вызовом:

– Ты откуда такой приткий?

– От папы с мамой.

– А почему экстремал? Чего хорошего в экстриме? Башку потерять хочешь?

– От любви лечусь, – сказал геолог откровенно. – Хочу избавиться.

– Зачем? Люби дальше. Жизнь не кончается. Клин клином вышибают!

– Я не страдаю...

– Врёшь? Страдаешь... – Чиф повернулся к старшему экстриму, сказал шутливо: Горбач, обидишь геолога – не спущу! От риска его не оттаскивай – пусть он раны душевные собственным страхом смазывает. Быстрее пойдёт лечение.

– А может не надо быстрее, чифуля? Пусть остаётся с нами?

– Умный ты, Горбач. Везучий. Такого романтика прихватил. Уважаю.

– Могу дать совет, – произнёс любитель сладкого, – лучшее лекарство от любви – сгущёнка. Любовь с первого взгляда!

– Любовь с первого взгляда экономит время!

– А у меня была история... – начал кто-то, и все загудели одобрительно.

Стало легко и душевно. Молодой перебирал струны. Количество пустых банок перед экстремалом увеличивалось. Жизнь демонстрировала аппетит и желания. Это было вчера. Это было ещё до прихода Призрака.

Разведчики

Старпом на мостике поучал второго и третьего помощников:

– Вы должны не только наблюдать за береговой группой, но и предполагать их поступки и действия. Будто вы с ними одно целое, амёба, распростёртая над морем и берегом. Что вы о них знаете?

– Старший группы – Горбач, бывший подводный диверсант, 48 лет. Второй – Чемпион и десантник, 32 года, любитель сгущёнки. Третий – Геолог, 25 лет. Что ещё? Цирковой!

– Почему «цирковой»?

– У него всё красиво. Его так Горбач с десантником окрестили.

– Экстремалы. Движений много, а мозгов мало, – ввернул второй помощник, как штопор в пробку.

– Кто идёт в экстрим?

– Туда не идут...

– Туда попадают, чиф. – Второй и третий помощники смотрели на старшего весело.

– В экстремалы, Юра, идут добровольно. Не от недостатка мозгов, не от желания получить деньги, а от страсти поиграть с собственным страхом. Есть такая болезнь. – Чиф постучал пальцем по косяку дверного проема, а потом – по голове. – Где это дерево поближе? Синдром спускового курка.

Зачем? Посмотри на наших разведчиков. СтаршОй – от тоски по погибшим друзьям – это понятно. Чемпион – чтобы снова себя уважать за победу.

– Из сгущёнки?

– Не смейся над слабостью человеческой. Чемпион – он и со сгущёнкой первый... Цирковой – от несчастной любви – пусть поёт. Любовь не каждому удастся. Это такой экстрим, что случись он с тобой хоть однажды – счастья тебе и моя уважуха. Тебе не понять, а хочется.

– А нам – выгодно. Есть кому на лёд идти или под корму нырять.

– Когда ты на винт намотаешь?

– Случайно! Сколько можно вспоминать?

– Правильно, уважаемый второй помощник. Потому что ты, если падать будешь, то с криком и матом. А они, безголовые, падают молча и маслом вверх. Дзюдо. Красиво. И бутерброд не портят. Потому что не просто профи, а в рубашке родились.

– Я тоже мог бы быть, – обиделся второй помощник, – но служил в стройбате.

– Причина.

– А зачем они ходят на берег?

– А что они ищут, чиф?

– Точно не знаю, но должны найти нам эту чёртову подводную лодку. Четвёртое место меняем, а следов её нет. На Горбача вся надежда – везучий он, гад.

– А на лодке что? Золото?

– Мертвецы. У каждого в голове дырка.

– От пули?

– От тайны. Чтобы не проговорились.

Горбач был не просто старшим, он был главным. Это чувствовалось во всём: он первым выпрыгнул на торчащий из воды камень, чуть коснулся его носком, чуть взлетел, взмахнув обеими руками, как птица, и стал на берегу, оборачиваясь белозубой пастью вожака. Голос у него был ровный и мягкий, как упругий поток:

– По одному! Катер – тянуть! Снаряжение разобрали... Контрольное время... Чиф, как слышно? Мы на месте. Работаем. Как понял? Приём...

– ... Чиф, ответ Горбачу. Вышли к расщелине. Идём вверх. Конец связи...

– ... Чиф! Я – Горбач. Продолжаем маршрут. Всё в порядке...

– ... Чиф... Изменений нет. Возвращаемся к лодке...

– ... Привал, пять минут. Замечаний нет... – Паша Горбач положил радиотелефон в карман, оглядел напарников, остался доволен. Спросил младшего: – Ты как, циркач?

– Нормально. Почему спрашиваешь?

– Не обижайся. Наколку горного стрелка на плече твоём видел. Предчувствия есть?

– У тебя срок больше, ты и командуй.

– Сроками только политики с уголовниками себя выделя-

ют, а мы – змей трёхглавый: шесть глаз, шесть рук, три головы и хвост. Одна команда, понял? Не отпадай. А ты, Андрюха, что видел?

– На белом много не увидишь. В одном месте квадрат прорисовался, как крыша под снегом. Что нам сэр про вмерзших в лёд подводников намекал?

– Чтобы мы не замёрзли, наверное?

– Здесь во время войны целая армия подо льдом осталась. Следов не нашли. Одни фантазии, – блеснул информацией циркач.

– Верно. Американцы свой флот присылали – найти и уничтожить. Еле ноги унесли, с кем воевали – не поняли. Адмирал в психушку попал, лётчики летать отказались...

– Полярка. Лёд, мороз, мистика.

– Ледяной вулкан есть, ледяные пещеры, горячие реки...

– При минус тридцати? Не сочиняй, циркач.

– Я ещё и геолог. Здесь вулкан выше четырех тысяч метров, в нём – озеро горячей лавы, река и красный водопад... – парировал молодой.

– Водопад? В Антарктиде?

– Красный?

– Вода из вулкана ржавая.

– Врёшь?

– Точно говорю вам.

– Трубы ржавые, что ли?

– Оксид железа. На белом снегу – ярко!

– Ну, циркач, всё у тебя красиво получается. Оксид железа. Есть такие слова? Фантастика?

– Геология – наука фантазий. Рождение Земли, рождение камня, природа воды и тайна золота – это все геология!

– На пальцах?

– На знаниях и интуиции. Мысленная связь с природой.

– Что-что? Переведи!

– Сочинять нам не надо, циркач. Мы сейчас с тобой на краю жизни. Чувствуешь?

– Здесь не край жизни, а вход в тайны смерти. Священный Грааль.

– С чем его едят?

– Это не камбуз. Грааль – Святой напиток в драгоценной чаше. Прощает грехи и придаёт силы. Его тысячу лет ищут, не каждый увидит.

– Кому-нибудь помогло?

– Рейх торопился открыть здесь путь в Космос...

– Воевать надоело?

– Армия осталась без дела. А куда её денешь?

– Я понял, немцы думали здесь отсидеться и пустили слух о летающих тарелках. Рекламный ход?

– Вроде того.

– Где они теперь?

– Пьют пиво в ледяных ваннах. Ждут лучших времён и команды «стройся!».

– В каком смысле? Климат изменится или сами на войну

проснутся?

– Не знаю. Я это в интернете читал.

– Интернету верить нельзя, – заметил Чемпион. – Интернет для мозгов – смерть. От интера только одно спасение – женщина. Только вы, молодые, про женщин совсем забыли.

– Тебе не идёт быть умным, Чемп. – Молодой посверлил пальцем у виска. – Нас и экспедицию, вполне может быть, послали сюда проверить – замёрзла армия или жива?

– Меня? Армия сюда не пойдёт! Армия – умнейший зверь! Я в армии человеком стал, цель в жизни увидел.

– В армии свои приёмы – цель жизни мишенью поставят.

– Как бабушку на панель? – чемпион засмеялся, потом возмутился. – Ты на что намекаешь?

– Правильно. Ты среди нас – самая крупная мишень, чемпион...

– Хватит тупить. – Командир остановил их просто, как по головке погладил. – Глупо. Работать будем так. Первое – уходим из зоны видимости судна, пусть нас потеряют. Сами с усами. Второе – подводная лодка, если на неё нам указали, единственная зацепка, подо льдом её искать не надо, она где-то под берегом.

– Точно. Уткнулась в скалу, как пробка в бутылку.

– Хорошая мысль, Чемп. Искать в скале вход в подземную бухту.

– Его, может, лодкой и обозначили.

– Обозначили и закупорили.

– И заминировали.

– Не исключено.

– Вход к подземным причалам замерзать не должен, значит, там выход тёплых источников...

– Молодец, геолог.

– Над ними клубится пар или висят ледяные козырьки, облизанные подогретым воздухом... – Циркач дыхнул паром в ладони.

Горбач посмотрел на небо. Снова достал телефон:

– Судно! Я берег! Что с погодой?

– Берег! Я судно. По прогнозу через пару часов ухудшение видимости, ветер умеренный. Снег пойдёт. Предполагаем ждать вас в этой позиции.

– Вас понял. Наша автономность трое суток. Потеряете из виду – не беспокойтесь. Сгущёнки хватит, – посмотрел на часы-GPS – дистанция до судна пять с половиной миль. Видимость триста метров...

Через два часа:

– ... Рутина. Местный ветер по белому насту. Как белые мыши бегут по снегу. Температура минус 27. Подъём крутоват, вспотели...

– ... Идем под парусом. Экономим аккумуляторы. Ветер свежий. Берег – лёд в пене прибоя.

– ... Режим связи прежний...

– ... Обогнули мыс. Скала, высота метров семьдесят. Трещина в скале расширяется к воде чёрным провалом, ширина

метров двадцать – двадцать пять. Входим под своды. Вода чистая, дна не видно. Течение упругое, как река, очень тепло... Дистанция от судна семь миль к весту...

– Чиф! Это Чемпион. Докладываю. Горбач с геологом ушли вперёд. Я вернулся для связи, под сводами связи нет. Следующий сеанс через пять часов. Вашего вопроса не услышал. Спокойной вахты.

Анабиоз

На мостике были двое – капитан и начальник экспедиции.

– В действительности всё не так, как на самом деле, – произнёс капитан задумчиво.

– Что-что? – переспросил начальник экспедиции.

– Присказка такая.

– Глубокая мысль?

– Самые глубокие мысли приходят в голову, когда оказываешься на мели. Так на флоте говорят. – Оба посмотрели друг на друга. – Давайте, сэр, на чистоту. А то анабиоз какой-то.

– Анабиоз? Откуда вы знаете, капитан?

– О чём?

– Что вы знаете про анабиоз?

– Вы что, сэр, издеваетесь? Что мы здесь ищем? Почему именно здесь? Я должен обладать первичной информацией. Иначе я не смогу реагировать адекватно и принимать решения, когда, как вы сегодня упомянули, случай грянет.

– Решения принимаем не мы. Но в главном согласен с вами. Приоткроем карты. – Начальник экспедиции, казалось, и сам хотел поделиться тяжестью своего секрета: – В чем суть экспедиции? Многого открыть не могу, да и не знаю, скажу главное. Об остальном будем догадываться вместе. Судно и экипаж – наживка. Задача – найти и выманить изо льда

резерв армии, оставленный здесь полвека назад.

Кто финансирует и кто подогревает идею – не знаю. Могу предположить – власть. Какая-то власть. Геи хотят больше прав, проститутки правят правителями, солдаты требуют пива, политики рвутся перекраивать границы, генералы – перекраивать мундиры. Что делать? Мир – это искусство. Искусство требует жертв. Военное искусство требует жертв больше, чем все прочие. Это преамбула.

Полвека назад здесь готовили новую базу Рейха. Об этом много писали, шумели, молчали. База была создана и законсервирована. Армия – заморожена. В буквальном смысле. Предвижу вопрос. В этом вся суть. Наука решила тему анабиоза. Армия упакована, как рыба в рефкамере. В Космос, в следующее тысячелетие, на будущую войну? Армия ждёт, кто её разогреет и пустит в дело.

– Мы ищем горлышко с пробкой, чтобы выпить немножечко войны?

– Да.

– В Антарктиде? Спят подо льдом воины Рейха? И не могут проснуться, без нашей помощи?

– Наша задача – найти. Будить армию придут другие. Будильник, кстати, на втором судне.

– А как они будут служить без фюрера? Кому?

– В этом вся фишка. Заморозить легко, оживить – проблема.

– Ты же сказал – научились?

– Стрелять – пойдут, а имя – не вспомнят. Биороботы. В голове – лёд, в желудке – лёд...

– Без еды воюют? – съязвил капитан. – Без позывов в туалет? Экономно.

– Вы поняли. Кто платит музыку, тот и гуляет девочку.

– Вы давно это знали?

– Нет. Меня нашли через интернет, предложили работу, заплатили аванс.

– А наши разведчики? Горбач и его группа? Они знают, какая встреча их может ждать? Ведь у спящих во льду есть, наверно, охрана? А может, смертельный вирус? А может – минное поле и шмайсеры⁶?

– Возможно. Наверно. Не надо эмоций. Мы оба – служители чужих интересов. Аванс получили? Вперёд! Больше сказать ничего не могу. Да и вам, видимо, надо подумать. Ухожу. Нам обоим надо быть в форме.

– У вас есть контакт с Заказчиком?

– Интернет. Я – отправляю. Он – командует, если считает нужным. Я играю на него. Вы играете на меня.

– В каком смысле?

– Я тоже хочу вернуться живым. Капитан на борту – бог. Я на это надеюсь.

Сэр, начальник экспедиции, вышел. Бог поднялся с капитанского кресла и подошёл к иллюминатору, хотел посмотреть на море, но снег плотно забил стекло белым. Было непо-

⁶ Автомат для ближнего боя.

нятно – ночь за бортом или день?

Капитан позвонил на мостик:

– Есть связь с разведчиками?

– Две минуты назад они дали отбой сроком на пять часов.

Я выходил на крыло и сейчас собирался звонить вам. Плотный снегопад, видимость – ноль.

– Продолжайте наблюдение.

Капитан сел к столу, открыл компьютер. Набрал свой вопрос: *Что такое анабиоз?*

***Анабиоз** – временное замедление или прекращение жизненных процессов в организме под воздействием внешних или внутренних факторов. При этом дыхание, сердцебиение и другие жизненные процессы замедлены настолько, что могут быть обнаружены только с помощью специальной аппаратуры. Анабиоз наблюдается при резком ухудшении условий существования (низкая температура, отсутствие влаги и др.). При наступлении благоприятных условий жизни происходит восстановление нормального уровня жизненных процессов... Явление анабиоза при высушивании и охлаждении используется для приготовления сухих живых вакцин, длительного хранения клеточных культур, консервирования тканей и органов. Имеются данные о возможности введения млекопитающих в состояние анабиоза с помощью таких газов, как углекислый газ, аргон, сероводород и пр.*

Погружение космонавтов в анабиоз было предложено как один из способов для длительного межзвёздного или меж-

галактического путешествия человечества. В таком случае отпадает необходимость в корабле поколений. Нужны лишь «смотрители», контролирующие наибольшую часть замороженного населения корабля. Это позволит значительно экономить ресурсы, необходимые для поддержания жизнедеятельности экипажа и пассажиров.

Фактические примеры выживания людей, находящихся длительное время в состоянии гипотермии:

1999 год. **Анна Бодженхольм**, шведский радиолог, пробыла в ледяном озере подо льдом в течение 40 мин в состоянии гипотермии. Её температура тела снизилась до $13,7^{\circ}\text{C}$. После реанимационных мер пришла в себя практически без повреждений головного мозга.

2001 год. **Пауль Хинек**, двухлетний ребёнок провалился в сугроб, температура тела снизилась до 18°C . Провел так несколько часов в состоянии гипотермии. Все функции организма восстановились полностью.

2006 год. **Мицутака Утикоси**, 35-летний японец, провел 24 дня без еды и воды, впав в состояние «спячки». Мужчине пропал в горах, когда его нашли, процесс обмена веществ в его организме практически остановился, пульс пропал, температура тела достигла 22°C . Врачи предположили, что он впал в состояние гипотермии на ранней стадии. Функции его мозга восстановились на 100 процентов.

2015 год. **Джон Смит**. 14-летний мальчик провалился под лед и провел под водой 15 минут, прежде чем спасатели

извлекли его из воды. Несмотря на отсутствие сердцебиения, после реанимационных мер в течение 45 минут мальчика вернули к жизни.

Капитан задумался. Услышанное от начальника экспедиции и прочитанное в интернете мало укладывалось в его прежние представления о границах реального и фантастики. Всё чаще эти пределы теснили привычные нормы духа.

Казалось, пределы жизни и смерти, которых не знаешь заранее, не так уж страшат нас. Куда как страшнее обыденные перемены в пределах человеческой памяти – перемены понятий и слов, как предательство чувств и былых отношений. Уходят родные, стираются слова, угасает любовь, рушатся стены дома, говорить не с кем, уходить некуда. Жизнь продолжается, а тебе в ней не интересно. Тепло, но не греет. Светло, но не вижу. Рядом и вокруг шумят голоса, звуки пытаются быть словами. Но я не пойму этих слов, не увижу в них смысла. Звук дождя или шорох снега, плеск волны или крик птицы – это я понимаю, а слов этих новых понять не могу. Будто не люди их произносят. Будто смысл поменялся. В лицах нет прежнего узнавания, даже собака в глаза смотрит скучно. Говорят, за то, чтобы избежать смерти, можно и жизнь отдать. Зачем избегать? Если смерть меня освобождает от боли, утрат, одиночества? А как – защитить жизнь? Не мою, нет. Молодых и весёлых, здоровых и сильных. Остановить эту армию льда и чужого замысла? Людям нужно теп-

ло. Этих солдат, спящих в анабиозе, можно согреть и вернуть к жизни? Они все – молодые и сильные. Дайте глоток тепла! Научите молодых смеяться. Эта армия сможет смеяться после стольких лет холода? Что? Зачем? Смех в погонах – диагноз для психиатра? Армия – видеть грудь четвертого человека в строю! Челюсть – приподнята! Губы сжаты! Глаза – вращаются в поиске цели! Каждый человек должен успеть возродиться воином – так говорили японские самураи. В этом есть что-то от крестоносцев и дервишей. Вера – война за идею. Тоже кровавая?

Капитан поднялся на мостик. Снежный шквал стих, видимость улучшалась.

– Дистанция до группы?

– По последнему докладу – семь миль.

– Готовим машину, боцмана на бак, будем переходить ближе к группе.

Подземелье

Лодка шла против течения, электродвигатель работал бесшумно. Чемпион наклонился вперёд и, казалось, качал маятник корпусом и плечами, будто подгонял своё маленькое судёнышко, не жалея сил и желая догнать Горбача и геолога как можно скорее. Ему было бы много спокойнее идти рядом с ними, поддерживать их бодрым шагом и всей чемпионской мощью. Они были где-то впереди, двигаясь по вырубленной в скале эстакаде, выполнявшей, видимо, функцию причальной стенки для подводных исполинов. Сужающийся высоко над головой свод скалы не позволил бы войти в грот надводным кораблям с мачтовым вооружением, а узость прохода гасила волну открытого моря, но подлодкам здесь было комфортно, если они сюда заходили действительно.

Впереди сверкнул фонарь и погас. Похоже, его заметили в тоннельном просвете. Чемпион не стал сигналить в ответ, а только прижался ближе к скале. Короткая вспышка света, звуки быстрых шагов и сердитый шепот над головой подействовали как пружинный тормоз, и лодка прижалась к холодной темноте, оказавшейся ледяным причалом.

- Швартовый конец давай, – шептал сверху старший.
- Сейчас найду, ни черта не вижу... Держите, бросаю.
- Есть, закрепили. Здесь первый кнехт и ступени в скале, сейчас подсветим ступени.

- Почему фонарь не включаете?
- Привыкли к темноте.
- А почему шёпотом?
- Страшно, – все трое неожиданно рассмеялись.
- Что видно впереди?
- Темно, как в прямой кишке.
- Отблески какие-то?
- Может, это глаза искрят?
- Может, галлюцинации?
- Голос нации?
- Голый наци-и?
- Тсс...

После короткого обсуждения вариантов решили оставить лодку здесь, несколько разгрузив запасы, и двигаться по эстакаде. Это позволит собрать больше информации и заметить мелочи.

– В мелочах прячется дьявол, – произнёс Горбач общеизвестную фразу, подводя ею итог короткому отдыху. – А из лодки мы ничего не заметим, ничего не поймём... Идти осторожно. Могут быть трещины, завалы, ловушки. Надеюсь, всё это не специально для нас.

– Может, в связку? Как спелеологи или альпинисты?

– Мысль правильная, фал есть. Я первым пойду, геолог – второй... Чемпион! На тебе повиснем, если что. Выдержишь?

– Удержу, командир.

– Добро. Две минуты, и в путь.

Далеко впереди раздался нарастающий шум.

– Электричка? – пошутил молодой.

– Водопад? – предположил старший.

– У водопада шум ровный, а этот – стихает.

– Похоже так.

– Это снег скользит сверху и в воду падает. Слышите – плюх, плюх... – Чемпион вглядывался в свод и прислушивался. – А скала не дрожит даже. Стоит! – рука его, согнутая в локте, кулаком вверх, показала уличный жест, – в темноте было мало заметно, но все поняли.

– У тебя, Чемпион, по любому поводу только две версии...

– Сгущёнка или каменный фаллос...

– Ты на что намекаешь?

– Прости, друг, но две версии ты не потянешь – запутаешься... Опять зашумело? Где-то свод обвалился, в этот провал и падает шапка снежная, как только вес наберёт достаточный.

– Авторазгрузка снежного купола, – засмеялся молодой геолог.

– Шуметь не надо, – тихо добавил старший.

– Ты, Горбач, всегда прав. Почему? – Чемпион искренне удивлялся.

– Командир – как река.

– Какая рука?

– Умоет, подхватит, к любому берегу поднесёт. – Геолог сказал и все приняли. – Никого не гнёт, а все в эту воду лезут.

– Слушай, геолог! Ты про реки говорил – как же они не замерзают здесь?

– Замерзают, только не сразу. Они льются горячим источником из-под земли. Самая длинная река в Антарктиде с вулкана бежит километров тридцать, пока в лёд превратится.

– А эта – как думаешь – длинная?

– Может быть километра два-три? Вода ещё теплая, пар идёт... Тихо.

– Пойдём? Молодой, мы втроём – Змей Горыныч о трёх головах, – помнишь? Мы – одно целое. Фонариком светить только под ноги, чтобы блеска не было.

Трое поднялись и сделали первый шаг. Ноги разъезжались по наледи. Они шли на шести ногах, роняя и поднимая друг друга. Понимая друг друга.

В царстве мёртвых

Через полчаса хода все взмокли, напряжение было адским.

– Как в царстве мёртвых, – прошептал геолог, желая показать бодрость духа, – подземелье, река, сейчас черепа с потолка посыплются...

– Ой, ма – за шиворот! – вскрикнул замыкающий.

– Тсс! – обернулся старший.

Чемпион увидел яркую молнию над впереди идущими. Купол лопнул дневным светом и стал падать.

– Ложись! – заорал он. Белая волна снега расплющила Горбача в крест, навалилась сугробом, двигалась на край эстакады, мгновенно, как дикий зверь, проглотив командира и стремясь унести его в воду.

– Держи Горбача, геолог! – крикнул чемпион, упираясь ногами и натянув фал на кулак. Тело его выгнулось, как упругий лук перед выстрелом. Было слышно, как захрустели косточки по хребту и плечам. Шапка сдвинулась на глаза, мешая ему видеть. Чемпион мотнул головой, бодая пустой воздух, шапка упала под ноги, а глаза вспыхнули. – Держи!

Геолог рванул на себя, заваливаясь на бок, падая на одно колено, высоко вздёрунув руки, которые мелькали пропеллером, выдергивая командира из-под снежной лавины. Горбач махал конечностями, пытаясь уцепиться или поймать опо-

ру, и был уже мухой над чёрной бездной. Раздался тяжёлый плеск – снег рассыпался по воде. Свет! Снежинки кружили в воздухе, наполняя пространство. Темнота над головой лопнула, приоткрыв небо и дневной свет, воздух вдруг перестал пахнуть сероводородом, наполняясь морозом и сыростью. Воля и свет! Хотелось хватать эту кашу воды и ветра, запихивать в рот и глотать рваным облаком, дышать и не задохнуться. Так захотелось жить...

– Держа-ать!.. ать-перемать! – Кричали чемпион и геолог одновременно, дыша, как два паровоза. Стало жарко и холодно. Они тянули ледяной фал, мокрый и жёсткий. Горбач висел смятой грушей и тянул их вниз. Первым поехал по ледяной корке геолог и закричал Чемпиону:

– Я удержусь! Удержусь... держусь! – он висел на фале, успев намотать два шлага на торчащий вертикально металл – это оказался немецкий автомат шмайсер, стволом в какую-то щель. Рассматривать было некогда, страховка держала, командир висел над водой, чемпион тянул вверх обоих. Медленно. Очень медленно.

Геолог понял, что время уходит. Глаза его вылезли из орбит и увидели камень эстакады так ярко, будто был день, и сверкало солнце. Глаза были залиты солнцем. Напряжение было таким, что фал врезался в кожу, и она лопнула, как бумага, оголив красное тело мышц. Стало горячо-горячо. Из глаз потекла кровь. Но этого времени оказалось достаточно – он увидел опору для ног, сначала для левой, потом –

для правой. Схватился за шмайсер, ладонь мигом примерзла к металлу или стала металлом. Высоко над головой была дырка в небо, ветер в этой дыре хлопал, как хлопает на ветру парус, и пищал, как пищит мачта, ломаясь и улетаая с разорванным парусом. Небо опускалось и поднималось, опускалось и поднималось. Пульс колотился, как поезд по стыкам стальных рельс. Очень хотелось в небо. Казалось, оно спасёт. Казалось, чем выше, тем безопаснее, лучше, чем рядом с водой, бешено бьющей по скальному берегу. Звуки множились эхом, камнепадом и водопадом. Шептали, роптали, гремели, стихали... Бегучие струи терлись о камень, слизывали песчинки и гладили, шурша крупичками льдинок. Струи бежали мимо, камень врастал в лёд, песчинки тонули в воде... Звуки плескались и били по нервам. Волна обвивала змеей и тянула вглубь. Глупо! Глупо утонуть рядом с берегом! Тепло хотело жить. Сознание хотело смеяться. Страх коченел от холода, скрипел зубами, шептал задрожавшей челюстью: «Что? Смешно умирать под причалом, как мусор у печки! Смешно? А ты не увидишь смерти... Не бойся... Не успеешь понять... Сознание – не увидит... Рождаются криком, а умирают тихо...». Молодой вмерзал в лёд, без мыслей и без сознания – он стал вбитым в стену гвоздём, и застыл – гвоздём. Он был гвоздём... Завис над холодной бездной. Время уходит...

– Гвоздь! Гвоздь! Ты живой? Очнись, очнись, друг. Ты мне нужен... – Сознание возвращалось и опять насмеха-

лось над молодым, он плохо понимал и плохо видел. Чемпион нависал над ним и дышал ему в рот, брызгал слюной и горячим шепотом: – Очнись! Мне одному вас не вытянуть... Молодой! Посмотри на меня! – Чемпион схватил горсть скрипучего снега и стал растирать ему лицо, раздирая в кровь... – Глотни, глотни снега! Гад!.. ничего не бывает вкуснее... снег... это небо, циркач! Смотри! Ничего нет вкуснее... Гадёныш, ты, а не Горыныч... Циркачёнок мой, съешь снега, прошу...

Циркач всё понимал и всё слышал, только видел немного слабее, чем прежде, а может, совсем не видел. Это только казалось ему. Он пробовал шевельнуть ногой, пальцем правой руки, которая сжата в кулак и держит горячий фал, мёртво, не вырвать... Левая тоже сжата в кулак, держит в кулаке что-то...

– Глотни снега, глотни... Вкусно? Н-н-на тебе снегом в лоб! Легче?

Циркачу стало легче. Он шепнул, не разжимая зубов:

– Как сгущёнка...

Реакция оказалось взрывной и громкой:

– Га-а-ад! Живой? Живой, гад! Притворялся? Отдай автомат! Кончай притворяться! Разожми клешню, падла! Как врежу сейчас между глаз, что бы знал – страховать надо мёртво! Слабак! Откуда слабаки берутся на мою голову? Отдай автомат! Где ты нашёл этот шмайсер? – Он вытягивал молодого наверх, укладывая по частям и разглаживая – го-

лова, руки, длинное-длинное тело... – Во дурра-ак, дурак... Дурачок ты мой... Дорогуша... Всех тяну, держу, всех спасаю... Зачем? Ох, задам я тебе трепака, дай только вернуться, ууу, гад упрямый. Какой же ты упрямый, Гвоздь! Упёрся в скалу и ни с места! Ещё и командира схватил, как краб крабиху под себя. Еле оторвал. Все до сэбэ... Хохол, хохлячок, что ли? Дохлячок. Сам-один удержал? Гвоздь. Гвоздь, одно слово. Вставать! Встать! Встанешь, ты или как? Тю, да ты плачешь? Пацан ты мой дорогой, ты плачешь? Дывись, яки слёзы у тэбэ красны... Кровь? Дорогой ты мой... – и он сам заплакал, утирая лицо снегом. – Кровь – это хорошо. Это ничего, это ничего, хлопчик. Живой. Я тебя потренирую чуток, дыхалка у тебя есть, дух бойцовский проверили, старую любовь из души выветрим, а новую в тебя так вдохну – ты и лёд любить будешь, снег глотать, из горсти пить... Спиртиком уколоться... Дивчинку удивить, бабушку гладить, журавлю не завидовать. Дывись, хлопчик, дывись на меня... Ооо! Кажись, и командир задышал. Командир! Головой нельзя-а тебе! Топ-топ-топ! Не вставай, Горбач! Не шевели голову! Подташнивает? Помогу сейчас... Хорошо, хорошо... Стесняться не надо... Цэ дурная болезнь из мозгов потекла... Из желудка? Так у моряка, где желудок, там и мозг. Спи да ешь, а служба – меж! Шея болит? Где болит? Дай, ножки потрогаю... Пошевели, пошевели! Ручками шевели! Вырвало? Хорошо, сейчас легче будет. Ох, строп-перестроп, как ты меня напугал, Горбачок. Я ж тебя так ма-

терил мысленно, когда сугроб на тебя падал. Главное – я и крикнуть не успел. А ты успел в сторону! Интуиция у тебя. Зверюга! Зверь, Горбач, а не командир. Ведь хребет сломать должен был... Мате-о-рый... Как я! Потому что, если я обматерю кого – ни в жисть не умрёт! Такое мое слово... мамаша моя, матушка! Командир, где фляжка? Помолчи, помолчим. Сейчас я команду. Сам уколоюсь, молодому дам и тебе в рот волью... Ох-ох-ох! Посмотрите на него! Раскудахтался. Ты говорить научись – курлычешь, как гусак общипанный. Горазд пить, а наглеть не надо! Был ты старший пока головой не ударился, лежи теперь! Работа не волк – криком не напугаешь, а спирт дело серьёзное, на него – норма. Ферштейн? Пить хочешь? Снег пей, его много. Дай, слюни твои уберу и морду лица снегом вытру, так лучше будет. Ожил? Ох, как обрадовался, когда ты сам головой шевелить начал. А то ведь боюсь, что трогать нельзя, а как проверить? По голове и хребту сверху хлопнут – позвонки сыплются, как бусинки с бабы. Не соберёшь. Как проверить? На учениях хлопчика танк с парашютом накрыл, как ладонью по столу, хлоп! Глянули, танк целый. Хлопчика ищем, а он между гусениц всей фигурой, в грязь влип. Говорит: «поскользнулся». Грязь спасла, танк удержала. А живот у хлопчика держать перестал, потёк на выходе... Оживай, командир, приходи в себя. Ротом потёк – пустяк, сотряс мозга всегда ротом. Лазарет тебе. А я – покомандую. Тсс. Возражений нет. Угощаю – уколою! Спирт – инъекция раю. А в раю, Горыны-

чи, шилом вас не вылечат. Пей, пока командую! Глазам – ясней, голове – веселей, на душе тепло-о! Слушай меня, змей-командир, что покажу сейчас! Посмотри вперёд! Не дрожи ты так, холодно, что ли? Глотни ещё. Посмотри, что показываю... Вон их рубка – картинка со свастикой. Видал! Смотри, циркач! Видишь? Как удачно эта крыша провалилась над нами. Нашли место. Субмарина рядом. Я – при погонах. Везучий ты, Горбачок. Жить да жить!

Командир трудно поднял голову, сел, долго вглядывался в пространство:

– Не вижу. Дай снега ещё... Голову снегом вытри мне...

– И мне, глоток...

– Какой тебе глоток, мальчик? Опоздал. Говорю тебе – хватит! Тебе, молодой, молочко сгущённое, чтобы маму вспомнил. Это же ни с чем и сравнить нельзя. Мамулечка моя, царство небесное, так любила смотреть, когда я за ложку брался... И командиру дадим. У меня на всех хватит. А теперь тем более, потому как на этой субмарине запасов должно остаться, а хлопцев – нет. Царство небесное. У меня на это дело, на чужую смерть, нюх есть.

...Подводная лодка блестела ледяным панцирем. Командир заснул неожиданно. Ему снился африканский песок и солнце, два солнца, три солнца. Жарко! Он снова пил снег, хватая его двумя ладонями сразу. Египетская подлодка тонула у него на глазах. Экипаж выползал из чрева и разбегал-

ся, как муравьи, по воде, по песчаному берегу. Чужой самолёт зашел в длинном пике и строчил из пулемёта, взбивая фонтаны и столбики, по реке поплыли красные пятна. Опять жарко. Снова глотал снег кусками. Чёрная лодка нырнула носом в жёлтую воду, переломилась... Рубка засыпана снегом, как египетская пирамида песком. Песок и снег менялись местами. То жарко, то холодно. Время рассыпало скорбный пепел. Хлопья пепла кружатся, как чёрный снег. Жар пустыни и лёд полюса – всё сеет смерть, как солнце роняет тень.

Горбач открыл глаза и долго привыкал к темноте. Самолёт улетел, солнце погасло, высоко над головой кружили снежинки, одна попала ему на лицо... другая... третья... Прохлада была приятной. Спина сжалась от холода.

Геолог держал в руках ржавый шмайсер:

– Как он здесь оказался? Он реально нас спас! Тот, кто ткнул его в эту расщелину – он же спас нас? А сам давно умер... – Не цепляйся за старое, – произнёс чемпион, взял у него из рук и отбросил с причала в воду, – старое иногда стреляет или на дно потянет... Слушай меня. – Чемпион снял рюкзак, стал доставать запасы. – Аптечка, фляга со спиртом полная! Ракетница и ракеты, сгущёнка – доверяю. Циркач, ты ответственный, учти. Руку давай, перевяжу сейчас. Вопросы отставить, клешню давай... Ууу, какая мясища... Командир! Ты меня слышишь? Ты понял – командование беру на себя? Пошутил нету. У тебя сотряс мозга, признаки на лицо: голова кружится, рвота была, отлежаться

надо. Но оставляю в группе советником. Лежи и советуй, хи-хи-хи. Это, во-первых. Второе, шея твоя мне не нравится – голова к плечу клонится. Надломилась! Больно?

– На месте.

– На месте? Посмотри на себя! Голова в плечи по самый глаз ушла. Дёрнуть?

– Не шути.

– Ладно. Примотать её к жесткости не мешало бы... Циркач, ты возвращаешься к шлюпке, перегоняешь её сюда, командира спускаем в шлюпку и на судно, к доктору. Не задерживайся. Ждём тебя. Я пока позвонки ему посчитаю.

– До поясницы смотреть будешь? Холодно. – Командир шевелил языком слабо, а шею поддерживал, чтобы голова не упала.

– До копчика, как учили. А холодно, так это шок у тебя. Сейчас укол сделаю.

– Все у меня нормально. Ноги-руки шевелятся, сознание не потерял, боли не чувствую.

– Врёшь. Шок был. Шею ломит. В глазах искры. За ушами хрустит. Так?

– Это пройдёт.

– Шок пройдёт – боль навалится. Обсуждению не подлежит. На бочок можешь?

– Чемпион, я помогу ему?

– Ты ещё здесь? Приказ получил? Исполнять! Бегом!

– Есть.

Шторм

Геолог повернулся и зашагал прочь.

Прошло полчаса. Чемпион закончил осмотр командира и объявил диагноз:

– Горбоплеч! Руки в стороны зачем делал? Самолёт изображал? Позвоночник цел, а голова в плечи ушла.

– Хватит издеваться, сейчас поднимусь.

– Лежать! Пока пропеллер из мозгов не улетит, ясно? – Чемпион взглянул на циферблат: – Дистанция до судна начала сокращаться, значит, капитан снялся с якоря, лазарет к тебе сам едет.

Геолог шёл быстро. Открывшийся просвет впереди и луч сверху придавали уверенность шагу и мыслям. Шлюпку уже было видно – плясала у причала. В сотне метров он увидел то, что пропустил, когда догонял товарищей. В одном месте стена углублялась в скалу, образуя просторную нишу, почти зал. В глубине его лежали штабеля заледеневшего груза. Он подошёл ближе и начал осматривать. Длинные упаковки напоминали оружейные ящики, их было много, штук триста-пятьсот, может быть. На одной упаковке увидел табличку с именем «Курт Вагнер... №...». Снег местами укрыл штабеля сугробами. Какая-то мысль крутилась в мозгу, но циркач не мог уловить, о чём она. Задерживаться не стал, понимал, что чемпион не зря торопил его – надо быстрее до-

ставить раненого на судно, к доктору. Он понял, что в упаковках. «Остывшие воины рейха в ожидании команды. Они не знают, что умерли. На каждый номерок где-то есть дата, запись... Порядок – прежде всего. Армия! Грудь четвёртого человека!».

Включилась антенна приёмника, появилась связь:

– Горбач, горбач... Я чиф. Снялись с якоря, идём в вашем направлении, постараемся подойти ближе. Один шквал прошёл, второй на подходе. Видимость миля-полторы. Подтвердите приём!

– Чиф, я циркач! Информацию принял. Группа в работе. Через час предполагаем выйти из грота. Подробности позже. Конец связи.

– Принял. Удачи.

В рубке были чиф, капитан и сэр-начальник. Матрос стоял у штурвала и не слышал разговора:

– Через час будет поздно, шквал подойдёт раньше. Так и ночь придёт. Зыбь растёт на глазах. Если смогут продержаться – оставим их до улучшения погоды в гроте. – Капитан посмотрел в иллюминатор. – Берег затуманился.

– Только бы всё нормально у них? – Сэр потрогал свои подтяжки.

– Что, сэр-начальник, брюки на месте? – усмехнулся кэп. – Не оглядывайтесь, я в хорошем смысле.

– Шутки у вас, – начальник провел ладонью ниже спины.

– По голосу – всё в порядке, – смягчил напряжение чиф.

– На якорь становиться не будем, глубины здесь за триста метров.

– Такие места и выбирали для базовых стоянок.

– То есть?

– Толщина ледника на берегу не больше двухсот, сползая, он погружается на 150—180, остаётся запас для погружения лодки на предельную глубину, чтобы выскочить.

– Что ж вы молчали? Мы столько времени потеряли на мелководье?

– Сам я только сейчас сообразил, – начальник склонил голову, – нюансов много, какой главный? Лёд?

– Лодки! О лодках, что можете сказать? Да не секретничайте! Нам, может быть, экстремалов своих выручать придётся, все важно.

– Какой секрет? У Рейха до начала войны было 57 подводных лодок, с 41-го по 45-й спустили на воду более тысячи ста. Был период, когда каждые два дня спускали новую субмарину, а было – по три ежедневно. Всего было в производстве больше двадцати типов, от сверхмалых, до самых «толстых» – снабженцы, торпедовозы, грузовые и подводные танкеры. Были проекты минных заградителей на гусеничном ходу, один построили даже. Ещё? Океанские субмарины с автономностью десять тысяч миль – для выхода в Тихий океан. Лодки с новым типом дизелей, работающих на глубине.

– На шноркеле?

– Шноркель обеспечивал только зарядку аккумуляторов в подводном положении. А ход обеспечивали газовые турбины, использующие в качестве топлива восьмидесятипроцентную перекись водорода, скорость подводного хода достигла 24-х узлов.

– Не может быть?

– Может, чиф, может. Кстати, в развитие этой темы: современные немецкие лодки ходят уже на водородном топливе, которое экономичнее атомного! Топливо, кислород и соль, прямо из морской воды получают путём электрохимического гидролиза.

– Ну, это, допустим, фантастика, – заметил капитан. – Затраты энергии на электролиз против необходимых затрат на движение? А прирост мощности откуда? Это не то, что питьевую воду из мочи гнать, как в космосе.

– Мастер, поверьте мне. Я – технический эксперт по подводному кораблестроению. Весь космос моделируется под водой.

– Эксперт? А что же ты разведчикам не рассказал, с чем дело иметь придётся? С кем? Какие лодки? Какой газ? Какое оружие может быть против них?

– Подлодки уже проржавели давно. А экипажи – скелеты у перископов... – осторожно вставил реплику чиф и осёкся. Капитан и начальник посмотрели на него, как на дурака, и разговор прекратился. Все разошлись по разным углам ходового мостика и замолчали.

Судно шло против ветра и волн. Навстречу нёсся очередной шквал снега. На мостик поднялся второй помощник:

– Прошу добро! Разрешите принять вахту?

– Добро, чиф, задержитесь, попробуйте вызвать группу. Второй! Место, движение, связь... Машину в режим маневрирования.

– Есть!

– Горбач! Горбач, я чиф! Как слышно, приём?

– Слышу хорошо.

– Дайте мне, – капитан сам взял микрофон и продолжил, – Арсений Кузьмич, как вы там?

– Все нормально, капитан, место хорошее, сверху укрыты и в бóки не дует.

– Точно? Хочется верить, но голосок у тебя слишком бодрый? Как кто-то говорил – не верю...

– Близко находимся. Спасибо, что подбежали к нам. Что-то случилось?

– Погода портится. Хочу предложить вам не выходить пока из укрытия. Переждать сможете?

– Запас есть. Проблем нет.

– Дай бог, – капитан вздохнул облегченно. – Знаю, что ребята у тебя геройские, и сам ты – везунчик, – мастер смолк, будто слова подбирал, – утаивать не буду. Могут быть неожиданности. Людей избегайте. В контакт не входить, в поле зрения не попадать.

– Какие люди? На севере – белый медведь, а у нас – только

ПИНГВИНЫ.

– И к пингвинам не подходите.

– Больные, что ли?

– Могут быть и больные. Ааа-а, а может быть, люди. Сам знаешь, когда долго в замкнутом пространстве сидят, и продукты кончаются, то и снегом прикинутся, и пингвина изобразят, и вас откусить попробуют... Психика.

– Понял. У психов всегда зубки острые, как у крыс.

– Юмор у тебя в масть пошёл. На этой чёрно-весёлой мелодии и закончим. Да, если найдёте субмарину – не суйтесь в неё. В закрытом объёме и газ может быть, и кислорода нет, если металл ржавеет. Задохнуться можно в полсекунды. Понял?

– Всё понял, капитан. Спасибо за информацию. До семи утра конец связи. Спокойной вахты.

– Спокойной вахты.

На мостике стало тихо. Все смотрели на стремительно летящий шквал. Белый порыв ударил в надстройку с такой силой, что судно загудело, как самолёт на взлете, и задрожало всем корпусом. Видимость пропала совсем. Стало темно. Радар над головой крутил, кажется, не только антенну, но мачту со стойками опор и само судно, как огромный медленный пропеллер в море плотного снега.

– Ну, вот, всё успели. Будем штормовать, дай бог нам удачи, а им – жизни.

– Устал врать, беспроблемный? – подвел черту Чемпион, когда Горбач закончил связь. – Кто так сильно напугал их? Что нам может грозить? Ложись удобнее, я тебе постель в снегу вылепил, нравится? Не благодари.

Помолчали. Чемпион прислушивался и смотрел в сторону выхода из тоннеля, думая о геологе с лодкой, не задержался бы... Горбач перебирал мысленно полученную от капитана информацию, что-то было не так, что? Они боятся людей – какие здесь люди? Биороботы может быть? Вирусы? Лёд? Пингвины-гиганты? Читал где-то, что в Антарктиде хотели испытывать ядерные заряды. Давно. После Хиросимы. Испытывали? Нервы испытывали. Нас окружают мутанты. Нас окружает лёд! Холодно! Холодно лежать на земле... Командир погружался в сон: что это со мной, погода действует? Или хлопнуло по макушке снегом, и я уйду в подсознание? В под-соз... SOS! Спасите наши души...

Жить или умереть?

Капитан и начальник экспедиции вошли в каюту капитана и сели в кресла. Помолчали. Капитан усмехнулся и сказал просто:

– Сиди – не сиди, а начинать надо. – Достал два бокала, наполнил коньяком из начатой бутылки, достал нарезанный дольками лимон, маслины в розеточке, положил на стол лист бумаги и карандаш. – Привык думать с карандашом.– Кивнул. – Давайте, сэр-начальник, подумаем вместе и выпьем вместе за их удачу. – Оба пригубили. – И так. Поставим себя в их положение. – Он развернул лист в ширину и быстро провел три вертикальных линии. Пояснил: – имеем четыре раздела и подписываем их: «Что они ищут или нашли?», «О чём они предупреждены и чего не знают?», «С чем могут столкнуться неожиданно и как себя поведут?», «Наши действия?»... Поделится информацией, отвечая на вопросы. Согласны?

– Согласен.

– Это первый наш с вами шаг навстречу друг другу и, надеюсь, навстречу с ними.

– За них. Дай бог удачи.

Оба посмотрели друг другу в глаза, подняли бокалы и выпили.

Капитан отставил в сторону бокал, начал спрашивать

и писать:

1) Они ищут следы пребывания подводной лодки или саму лодку. Они находятся в морском гроте, который, возможно, использовали подводники. Знают ли они, что это подводники Рейха? Нет, им этого не говорили. Прошло семьдесят лет после войны – подводники могут быть живы? Вряд ли. Могут быть в анабиозе? Да. Могут иметь возможность выйти из этого состояния самостоятельно? Возможно. В каком состоянии будет их психика, реакции, действия? Имеют ли они приказы, которые должны будут выполнить при встрече с группой Горбача? Другие вопросы есть?

– Пока нет, продолжайте.

2) Возможно, они найдут или нашли, но молчат об этом, подводную лодку. Возможно, несколько лодок. Рассматриваем анабиоз, как самую реальную вариантность. Рассматриваем самостоятельное «просыпание», как самое опасное для нас множество.

– Почему самое опасное?

– Мы не можем предсказать состояние психики, реакции, приказы, оружие. Ваша очередь, сэр, сконцентрировать информацию, которой следует их предостеречь.

– Извольте. Первое. В анабиоз могли погружать не только холодом, но и газовой средой – войдут наши разведчики в такое помещение и тоже заснут? Второе, климат меняется, подо льдом могут проснуться термальные воды, процессы экстремального характера – армия проснулась, а кушать

нечего? Или – мозг атрофировался той частью, которая знала, как открыть банку с консервами? Как вскипятить воду? Как есть макароны? Возникает вспышка насилия? Каннибализм? Какая-то форма чумы, вирус, болезнь психики?

– Вы серьёзно, сэр?

– Почему нет?

– Допускаю. Может быть. Что ещё можете предположить?

– Могу. Третий столбик... – начальник глубоко вздохнул и продолжил:

3) Немцы вывезли сюда большое количество учёных и специалистов разного направления, новые проекты и технологии, даже мальчиков-девочек гитлерюгенда, как генофонд. Командование Рейха рассматривало варианты других форм жизни: подводной, подземной, околосемной, космической... Размножение, клонирование, генная инженерия, перемещения во времени и пространстве... Иными словами, готовились к жизни в любом виде: огурцом, вирусом, медузой, плазмой. Одно условие – армия охраняет и армия сохраняется.

– Вы это всерьёз? Не до такой степени, может быть?

– Почему, капитан? Жизнь – это поле энергетического взаимодействия. Волны моря, звука, гравитации, света, желаний... Волны вспышек насилия и волны любви... Энергия разрушения. Поле взаимного тяготения. Поле ненависти. Поле, которое рождает страх. Страх убивает всё – рефлекс, мораль, религию... Секс умирает мгновенно, когда упирает-

ся в нож... Туча закрывает небо. Листва закрывает солнце. Лёд прячет армию. Возможно, мы их не видим, но они – рядом. Слышат нас и бросают в нас снег и ветер... По снегу, зверьками, струит поземка, как белые мыши. Нам кажется, что это поземка похожа на войско мышей, а это мутация живых форм! Может быть? Вы читали: во льдах Антарктиды пробурили глубинную скважину к подземному озеру? Мутация вышла на поверхность, могла? Ледовый керн оказался, как шприц с инъекцией в мышцу цивилизации? Инъекцией чего?

– Вы ещё вспомните ледяные кометы. Покрытые льдом моря далёких планет. Тоже отсюда?

– Возможно! Летающие тарелки туда долетели и высадили ледяную армию в форме ледового пояса.

– Поясок не развяжется? – капитан развеселился. – Поговорили, называется. Жуть какая-то.

– Смеетесь, капитан? Считаете, что впустую? Поговорить впустую – это бывает вкусно. И не всегда впустую.

– Bravo, вы настоящий сэр. Вам надо писать фантастику.

– А вам?

– Мне надо торопиться на помощь к ним, сэр.

– Сейчас шторм. До утра есть время. Завтра мы проснёмся и узнаем, что под этими ледниками море развитой цивилизации, взлетают ракеты, летают тарелки, инопланетяне с пропеллерами на голове? Представляете? Могли ученые Рейха изобрести и построить космический город? Вполне.

Капитан вдруг погрузнел и произнес устало:

– Боюсь, что в состоянии войны и жажды реванша, могли изобрести только что-то нас убивающее: ядерную бомбу, биопаразитов, психотропный коктейль.

– Это мы сами, без них! Убить половину земного шарика? Это давно уже есть, капитан. Бойтесь за своих экстремалов? Напрасно. Они прошли школу борьбы за мир, которая оставляет после себя только пепел и камни, только мёртвый песок.

– И в пустыне бывает умный верблюд и мудрая черепаха. Может, потому мы ещё живём, что водили детей в зоопарк, посмотреть на верблюда и пожалеть ослика. И-а!

– Bravo! Похоже, мы тоже в анабиозе? Нужно умереть на войне, чтобы жить мирным памятником. Почему?

– Делай, что можешь! – поднял капитан новый тост.

– Тост хорош, да тара мелковата, капитан. Мельчим. По третьей?

– За тех, кто на вахте, брандвахте, в пути и не с нами...

Иллюминатор забило снегом. Пить не хотелось. Говорить – устали.

Карандаш остались лежать на белом листе, на строчках и столбиках, их перечеркивая.

Преисподняя

Геолог был парень верный. Шлюпка стала к причалу. Чемпион скомандовал «посадку, раненых в первую очередь, все по-взрослому!», но раненый остановил:

– Торопиться зачем? Шторм. У нас теперь два дня в запасе. Боюсь, мы больше сюда не вернёмся, а если вернёмся, то точно не мы. Командуй, пользуйся, чемпион. – И добавил дружески: – между нами говоря, полежать хочется. Но в лодку грузить не надо. Тебе она сейчас самому понадобится – если субмарину осматривать, то с воды безопаснее, трапа парадного нет. То-то. А мне на причале лежать теплее – и я вам далеко виден, и вы у меня вроде под наблюдением будете.

– Ладно, Горбач, убедил. Лежи и набирайся сил. Если что – свисти. Услышим. Геологу нужно осмотреть тоннель и реку. Как это у вас называется? Маршрут? Абрис и отбор проб?

– Да. – Молодой виновато улыбнулся. – Рельеф и обнажения – это я зафиксирую. Выходы, разломы, искусственные выработки, водоёмы и источники – с этим понятно. Мне лёд на судно погрузить бы. Я тут глыбу присмотрел... откололась удачно.

– Африканцев пугать? Или в вйски бросать?

– Континентальный лёд – история всей планеты. В анабиозе. Я же геолог. Геология – наука засохших раковин, кос-

мической пыли, замороженных красных рек.

– Я думал – ты наш, а ты – засохший инопланетянин?

– Я в трёх мирах одновременно.

– С тобой всё ясно – дитя дождя и воин за идею. В армии был, но мало. Армия, циркач, любую идею на лету бьёт, как тарелочку на стенде. И тебя смогла бы вылечить, не захотел?

– Не захотел. Грудь четвертого человека – не для меня.

– Ладно, прощаю. Надежда наша – молодой! Ищи во льду, а я пойду на субмарину... Лодка военная, люди в ней, хоть и примерзли к железу, а на посту...

– Сами старенькие? Черепа беленькие? Были, как ты, чемпионами?

– Глуп ты ещё, молодой. Черепа, если военные, стреляют автоматически, не думая. Нам это надо? Надо, чтобы не выстрелили!

– Чемпион? – Горбач открыл глаза и попытался сесть.

– Что, двугорбый? Не спиться? Больно лежать? По голове тебя все-таки трахнуло? Говори.

– Я подумал – могут быть зоны под видеонаблюдением, прицелом и отстрелом? Мы на военно-морской базе, все-таки. Хоть и бывшей.

– Какое видео? Немцы здесь полста лет назад были. Голову тронь!

– Это первое. – Командир, казалось, не услышал возражений Чемпиона. Второе. Могут быть психически не адекватные, ведь столько лет в замкнутом пространстве – умом тро-

нешься?

– Я понял – «голова» теперь твой конёк. В армии это тема всегда близко. У нас на точке кино крутили, самогон варили, и в галюн строим и песней «веселей солдат гляди...» – Чемпион заулыбался, вспоминая. – А на другой горе американцы были, им девочек на вертолете доставляли, порнуху на видео, и кричалки в караоке, типа «Мы с тобой крутые парни, головой против ударные! Часовые как часы! На шагающих шасси!»

– Помогало?

– Мы мечтали в самоволку за порно-кассетами сбегать, а они к нам – за самогонкой.

– Вам кассеты зачем, если видиков не было?

– В тумбочку. Тумбочку откроешь и смотришь на картинку с девочкой...

– Уууу...

– Фантастика...

– Ладно, работаем. Геолог, задание понял? Ты – по берегу, я – на лодке. Лишних сигналов не подавать. В контакт ни с кем не вступать. Сбор через три часа, здесь. У верблюда-горбача мы назначили ча-ча! Горбач, назначаю тебя старшим у тумбочки. Вспомни армию. Вахта! Ящик в тумбочке не открывать, на девочку не отвлекаться. Вопросы есть? Вопросов нет.

– Стой... – прошептал Горбач.

– Что? – присел Чемпион и потянул шею, как из окопа.

– Где? – крутил головой геолог, высматривая пространство вокруг.

– Не там, на меня смотрите...

Теперь все увидели четвёртого, рядом с Горбачем. Угольно-черная голова торчала из снега. Как они не заметили прежде? Геолог подошёл и стал расчищать давно замерзшее тело. Чемпион присел на колени, работая руками, как экскаватор.

– Оставьте его, – обронил Горбач, и геолог с Чемпионом отошли на пару шагов. Со стороны картина была иной: из сугроба, на четвереньках, выползал человек.

– Руки, как лапы у черной собаки, когда она лезет из будки, – проронил молодой. – Лица нет, одни зубы.

– И пальцев на руках нет, – добавил раненый, – всё лед обглодал.

– А затылок армейской машинкой острижен. Как у меня в прошлом. Я таких уважаю.

Возвращение на судно

Через два дня всё изменилось. Шторм прошёл. Группу взяли на борт. Горбача – в лазарет. Чемпиона гоняли по кругу: начальник, душ, обед, начальник... Бумага на столе, шило в тумбочке... Как иначе? Стал командиром – отчитывайся. Временно исполнял обязанности – отчитывайся вдвойне: до командования – это одно, на посту командира – другое. Погоны тянутся к звёздам и нравятся женщинам, но портят характеры. Чемпион перестал спать. Не давали покоя имена на табличках в снегу и на холоде, замеченные Геологом: «... Вальтер... Гюнтер... лейтенант... Генрих... Инга... гитлерюгенд... матрос, матрос, механик... лейтенант... асс... военнопленные... число... замерзшие... число... номер... помер». Бумага на столе, шило в тумбочке. Не давали уснуть замёрзшие тела подводников в субмарине, как мумии в склепе. Чемпион обнимал голову, вспоминая маму. Мама ему говорила: «Так ты похож на отца, особенно на той фотографии, где он, как и ты, острижен армейской машинкой...»

Геолог? Геолог охранял лёд – огромную глыбу он притащил, привязав к лодке, как мини-айсберг. Глыбу подняли на палубу судовым краном. Геолог делал осмотр, обмеры, замеры температур, записи в журнал, фото справа, слева, сверху...

– Вы чем заняты, юноша?

– Нужно.

– Зачем? Новости знаете? Задача выполнена. Вашу группу разведчиков увольняют, я же вам говорил.

– Поэтому тороплюсь. Хочу посмотреть, любопытно. Этот лёд меня будоражит.

– Вы спецодежду порвали, надо объяснительную написать.

– Порвал я спецуху? Порвал. Когда падал. Объяснить на бумаге? Скучно. Мир умирает от скуки. Не люблю я писать объяснительные.

Горбача терзали вопросами в лазарете – начальник, капитан, начальник. Было о чём. Горбач думал, что они хотят выковырнуть из него какие-то сведения, которые он не заметил, и ломал голову: «Что я пропустил?». А они ковыряли из себя, не верили пустоте, которую испытали накануне, когда получили от Заказчика новый приказ: «Про армию в Антарктиде – забыть. Разведчиков – уволить и списать в ближайшем порту. Следующая цель – поиск племени аборигенов в предгорьях Анд. Расходование средств согласовано Учредителями... Проводников, мулов и продукты получить...».

– Какие Анды? Какое предгорье? Я капитан, а не погонщик мула...

– Момент, капитан, – успокаивал сэр-начальник, – это просто ошибка. Учредители перепутали горы с морем или корабль со стадом. Это бывает. Деньги идут? Деньги идут

исправно? Забавно.

– Забавно? Нас погружают в анабиоз. Форменный анабиоз! Даже лёд не нужен. Зачем? Мы тупо уходим из здравого смысла...

Начальник экспедиции был спокоен:

– Меня – не уволили, вас – не уволили. Деньги? Деньги нельзя созерцать серьезно, капитан.

– В смысле?

– Смысл не в наличии, а в умении оправдать затраты.

– Вы шутите?

– Конечно. Несерьёзность – это последняя мелочь, которая чего-то стоит.

Судно быстро удалялось от берега, будто убегало от какой-то опасности, от чумы, от проказы... Из приказа в приказ. Из одного анабиоза в другой.

ДОКЛАДНАЯ командира группы ГОРБАЧА: «...Обнаружили немецкую базу... Субмарина у причала полностью готова к походу, экипаж по расписанию... Внешне – фигуры в музее госпожи Тюссо...»

ДОКЛАДНАЯ 2-го разведчика ЧЕМПИОНА:

«... В гроте у причала штабеля замороженных тел, кожные и мышечные покровы местами имеют следы саморазрушения. Все тела идентифицированы и могут быть опознаны. Впрочем, теперь уже кто это делает?

...Найден бункер с документацией и инструкциями...

Совершенно секретно. Журналы регистрации естественной смерти... Коллективные акты погружения в анабиоз... Информация отдела опытов погружения и вывода из состояния длительного сна... Процент результативности показывает... Всего доставлено на континент... тысяч человек. Мужчин... женщин... детей... военных... специалистов... военнопленных... наблюдателей... Данные ежегодных обследований, учета... Выводы и рекомендации... Последняя запись датирована... В живых 351 человек... Опыты клонирования выявили существенные отклонения психики... Ожидаем прибытия нового материала... Испытываем трудности контактов, напряженность личностных взаимоотношений, потерю интересов, рефлексов, ориентации, вплоть до сексуальных... Рождаемость прекратилась полностью... Материал для клонирования... 18 тысяч 153 пробы... закрыт и опечатан в боксе №... глубина от поверхности... температура... Необходимость хранения белкового материала в количестве... тел, в пересчете на вес... тонн, перспективного на переработку в пищевые добавки, продукты и массы... Дальнейшее хранение может вызвать инфекции. Климато-образующие процессы и аэрогенные силы способны стать естественными носителями вирусных, психотропных и прочих уничтожителей глобального действия... Начальник службы... Специалисты... Документы подлежат уничтожению. Дата, время, исполнение...

...Сделаны проходы в минных полях... Обнаружены скла-

ды оружия и боеприпасов... Завод ракетостроения. Оборудование в хорошем состоянии... Фармо-фабрика по переработки человеческого материала в пищевой белок... Последние пуски... Арсенал... Обнаружено тел... Белковых материалов... Проб для клонирования... Живых – не обнаружено.

Докладная разведчика ГЕОЛОГА. «...В полумиле от берега река уходит под землю... Грунт теплый, местами – парит и вздрагивает... Молодые обнажения открывают россыпи... Добычу можно вести открытым способом... При выходе из грота обнаружено минное поле. Один из фугасов взведен невозвратно. Ликвидация заряда привела к цепочке самоподрыва, обвалу кровли тоннеля, и полному разрушению его. Вход с моря потерян, точное местонахождение утрачено... В момент взрыва травмирован командир группы... Команды и действия командира всегда были своевременными, точными, грамотными, исключаящими неоправданный риск...»

Призрак

На судне появился Призрак. Прочие игры, от шахмат до гитарных вечеров, отошли на второй план. Призраком называли глыбу льда, которую геолог притащил лодкой на буксире и объявил, что там сидит воин ледового плена в анабиозе. Эта шутка стала хитом обсуждений, гипотез, розыгрышей и «баталий чёрного юмора»: «К нам изо льда восстанет Призрак, как вашей смерти верный признак!»

Разведчики ожидали расчёта в первом порту. Они ещё оставались рядом, но уже отделились, будто каждый уходил в другие пространство и время.

Чемпион перестал есть сгущёнку.

Горбач изменил былую улыбчивость на ментальную грусть.

Геолог работал со льдом. Третий помощник остановился рядом и спросил неожиданно:

– Почему ты пошёл в разведчики?

– Любопытно. – Геолог перенял привычку Горбача и капитана говорить кратко.

– Мне тоже любопытно, но от этого столько вопросов, что не хватает ответов. – Юра развел руками.

– Это нормально. Думай.

– Думаю день и ночь, результата нет.

Подошёл сэконд⁷, присоединился к разговору:

– Геолог! Говорят, вы там оружие всякое видели, почему ничего не взяли, трофей?

– С кладбища не уносят.

– Брось. Тебе не к лицу быть чистым, геологи всегда в грязи и рваных башмаках.

– Всё настоящее с примесью грязи.

– А золото? Брось учить. Мы тоже не сено жуём. Читали. Почему, думаешь, убегаем от этого берега? А я знаю. Радиация или чума. В глыбе твоей вполне, может быть, лежит ящик Пандоры, открой! Боишься? А зачем взял? Любопытно?

– Образец для исследований.

– Сам ты образец для исследований. Расколи и увидишь! Все равно такую глыбу никуда не вложишь. Как её дуру под микроскоп? Думал? Коли! Мне кусочек – вИски попить с антарктическим шиком, знаешь как? Не причесанный ты. Лёд бросишь в стакан, он зашипит, как живой, пузыри пускает. Чистый зверюка, а укусить не может. Коли! Всё равно кто-нибудь отколет.

Геолог посмотрел на сэконда, обошёл льдину, сказал без выражения:

– Действительно, всё равно кто-нибудь расколет. – Взял в руки молоток и клин стальной, подумал вслух: – Расколоть лёд – не так легко, как тебе кажется. В нём свои узелки и ли-

⁷ Сэконд – второй помощник капитана.

нии, как сучки и волокна в дереве. Лёд – дерево замёрзшей жизни.

– Не играй философа. Читали. Есть узлы напряжения. В стекле, в куполах, в бетоне. Не мудрствуй. Ищи в нём пупок. Он развяжется.

– Знаю, – согласился геолог, – даже земная кора трещит.

– КоИИ! Бей сюда! – сэконд ткнул безжалостно пальцем... – Бей!

Есть люди, которые притягивают напряжение. Было спокойно, а пришел он, пальцем тыкающий, и геолог ударил – лёд раскололся на три куска. В одном обнажилось острое лезвие кортика. Ух, ты-и! Из другого торчал чей-то палец, розовый с белым ногтем. Все замерли. Стало слышно, как пыхтит, тяжело дыша высоко над палубой, судовая труба, дымя сизым облаком.

– Вот это да... Напряжение... Палец! Живой? Не живой... Не шевелится даже... А кортик! Смотрите! Ножны рядом должны быть! Украли? Уже? Кто посмел? Внутри что-то есть!

Не прошло и минуты, казалось, а несколько человек били по ледовым кладовым, как золотоискатели в лихорадке. Лёд осыпался на палубу, обнажая суть. Так появился Призрак.

Сначала все разглядывали кортик. Он был, как новенький и блестел костяной рукоятью и сталью лезвия, обоюдоострого. – Кортик, что надо! – Подводному асу принадлежал, как пить дать! – Да-а... – Прикольно. – Реликвия. – Реквием. –

Реквием пошёл по рукам и не вернулся... нашлись ножны...
Призрак чихнул!

Все замерли. Выглядел он невзрачно: лицо почерневшее, одежда мокрая, мятая, сжалась. Розовый палец торчал из бескровной ладони, как свежеекрашенный. Это было уродливо, но не страшно. Полярное солнце, учитывая антарктический климат, было всё-таки южным. Большая часть экипажа собралась вокруг в считанные минуты, и каждый желал отметить нечто особенное:

– Личико замерзло от удивления... Кажется... Такая гримаса...

– Это он нам удивляться начал, и мимика поползла...

– Точно-точно, я тоже заметил, другая ладонь в кулак сжалась...

– Улыбается?

– Задрожал?

– Плечами повел... от холода...

– Он нас слышит?

– Челюсть стучит! Зубы... Слюна брызнула! Ой, зараза!

Народ отскочил в панике: «Встает? Запах! Запах от него... Заразный...»

Пришелец встал и направил в толпу розовый палец:

– Хенде хох! – Он хотел рассмеяться, но челюсть заклинило, зубы клацнули странно, будто в нокауте.

– Шутит?

– Падает?

– Он еще что-то скажет...

– Не-е, в нём пружина кончилась.

– Не видишь, что ли, у него половина тела оттаяла, а часть – лёд. Одна рука двигается, а другая в сугроб вмерзла.

– Пуговичка на мундире оторвалась.

– Покатилась, гляди... Покатилась по палубе! Прямо к ногам сэконда! – Сэконд отскочил от пуговицы, хотел наклониться и взять, но услышал окрик: не тронь! Заминировано! – Вокруг хохотнули. Пуговица тоже пропала.

Сэконд решил показаться героем, подошел было к мумии, а она засмеялась в лицо ему, обнажив жёлтые зубы, и пыхнула мёртвым дыханием – сэконд кинулся к леерам, сдерживая позыв из горла. Зрелище всех сковало.

– На меня смотрит? – прошептал Юра в испуге, схватил геолога за рукав. Геолог пошатнулся и оттолкнул мумию. Призрак упал, повернулся на бок, показывая что-то рукой. Тело его стало терять форму и удлиняться – это потекли струи по палубе.

– Ар... арр... – гримасничало лицо и заплакало.

– Армия? – перевел Чемпион свое любимое слово.

– Последний из двадцати тысяч... – тихо произнёс геолог.

– Они видели штабеля на причале и имена на табличках, – громко сказал Горбач, будто подводил итоги. – Эксперимент с войной закончился. Что дальше?

– Теперь будет мир? – вопросом на вопрос засомневался Юра.

– Вирус, – ответил геолог. – Почувствовали запах смерти? Сэконд, ты как?

Никто не засмеялся, а сэконд снова схватился за леер. Труба над головами хлопала клубами дыма и воздухом судовых внутренностей, которые неслись по магистралям вентиляции, пытаясь очистить каюты и кубрики, спящие легкие экипажа, трюмные отсеки и машинные залы. Судно дышало, боясь заразиться нечистотами человеческих мыслей и внутренностей. Ветер над палубой нёс свои запахи – моря и неба. Но Юра вдруг чётко ощутил этот новый привкус – грязных тканей и пота, холода и одиночества, запах последнего солдата Антарктиды. Призрак на палубе корчился и извивался, испарялся и таял, жизнь вытекала уродливым монстром из одежды с остатками тела. «А вдруг он заразный?» – мелькнула мысль. Юра невольно и осторожно сделал шаг назад.

Ближайшие сутки вирус зацепил многих, гуляя в каютах и коридорах, выхватывая из экипажа наиболее уязвимых. Во-первых, пропал кортик. Это взбудоражило всех. Краж на борту никогда не было. Настроение сменилось молчанием и подозрительностью: «Это ОН мстит нам! Палец помните? ОН – грозил...», – шептали за ужином молодые мотористы. Разведчики сидели отдельно и вели свой разговор тихо:

– Заварил кашу – расхлебывай до конца. – Ты про меня, Чемпион? Мне лёд нужен был, а не Призрак. – Хватит вам. Инициатива на флоте наказуема. Лед тебе ни к чему. Не оби-

жайся, ты хоть и геолог, но не Академия наук. А нам следует ожидать продолжения. – Ты о чём? – Есть нож – будет и дырка. – Ты серьёзно, Горбач?

Дырка нашлась к вечеру: два матроса принесли и положили доктору на стол истекающего кровью камбузника. Кортик принесли капитану вместе с объяснительными: украли, играли, порезались и порезали...

«Детский сад, – прокомментировал начальник экспедиции. – Вирус, – сказал Горбач. – Измельчали, – упростил капитан. – Почему измельчали? – Потому что забыли опасность оружия. Измельчали, потому что не ценят чужую жизнь. Ответственность – главное слово мужчины...».

Через два дня промывали желудок реф-механику – проглотил пуговицу с орлом. Пуговицу не нашли, глотателя отпоили. «Вирус, – прокомментировал Чемпион, – никого из нас здесь не останется. Скоро...»

Через три недели Юра записал в своем дневнике:

1) В порту захода списаны на берег с полным расчетом: начальник экспедиции – 1 человек, начальник радиосвязи – 1 человек, судоводители, включая капитана – 3 человека (меня оставили на период стоянки), разведчики – 3 человека, палубная команда – все, кроме боцмана (его оставили до прибытия замены, машинная команда – все, кроме старшего механика (оставлен до прибытия замены...)). Дела капитана принял какой-то топ-менеджер, представился кратко и непонятно: юрист, яхтсмен, представитель За-

казчика.

2) Рейсовые документы, включая судовые и радио-журналы, переданы Заказчику под роспись и печать.

3) Название судна, порт регистрации, ИМО номер – на борту и в судовых документах – изменены. Расписки о неразглашении членами экипажа подписаны.

4) Вчера переехал в гостиницу. Судно ушло. Порт назначения и цель новой экспедиции неизвестны.

5) Встретил в городе геолога. Он признался, что отдал кортик бармену за стакан виски – стал бояться Чёрного вируса. Напомнил слова Горбача: «Война преследует раненых и мстит победителям. Беги, парень! Беги...» — «А Горбач с Чемпионом – с тобой?» — «Нет, Призрак нас разделил...»

6) Сегодня приснился ОН, сказал: «Ничего не уноси с кладбища». Утром нашёл у себя в кармане пуговицу с орлом. Как она ко мне попала? Подбросил кто-то из экипажа? Когда? Кто? Вирус. Хватит задавать вопросы. Перед завтраком пошёл на набережную и выбросил пуговицу в океан.

7) К обеду пошёл дождь. Ливень. Ветер стучит ставнями. Небо черно и ярко – тучи и молнии. Это океан подавился пуговицей, я думаю. К вечеру стихло, небо очистилось, а по улицам – горы песка и мусора. Вспомнил присказку Чемпиона: «Не хочешь отставать — будь первым!». Завтра пойду искать работу. В море!

8) Как хорошо было нам на мостике: корабль, океан, небо. Капитан в своём кресле на правом борту у иллюминато-

ра осматривает горизонт или ходит от борта до борта, роняя слова на ходу, будто часть своих мыслей: «подсознание смерти не знает... вахта – радует... ответственность возвышает... Если вы, Юрочка, не будете заниматься своей жизнью, то найдутся охотники на её применение: в стратосферу, под лёд Антарктиды, в анабиоз и на сдачу анализов... К незнакомому берегу лучше подходить в лёгкий шторм – на отмелях белые волны... Осознавать опасность и продолжать дело – наша работа. Крепите сознание, Юра, в нём мышца адреналина...»

ЛЁД В БОКАЛАХ

Лёд рвался от боли и трещал, разрываемый горячими пальцами антарктических гор, молодых и прорастающих из Земного шарика, как зеленые пучки из луковицы... Ледниковая корона Полюса кренилась и падала, дробясь и растекаясь ледниковыми реками... Гигантские жемчужины раскалывались на куски, айсбергами сползая в океан и шипя... Ледяные поля размерами в пол-Европы, вскипали и переворачивались, как мясо на вертеле, не вмещаясь в бушующий океан, ныряли, выпрыгивали из воды и снова погружались, будто пытались спрятаться. Но люди, самолёты, космические лаборатории – находили и преследовали. Самолёты визгливо жужжали, поливая нещадно аэрозолями красок, как цели для будущего бомбометания. ...Подводные лодки пронзали пульсарами гидролокаторов, примериваясь... Крутились километровые ленты киноплёнки... Щёлкали и молнились миллионами вспышек профессиональные и любительские фотоаппараты, будто изучая и планируя поле боя... Молотками, ломиками, бурами – били, кололи, сверлили и препарировали, вонзаясь безжалостно... Лёд плакал. И таял. Таял. А слёзы его плескал океан... солёные, как у человека...

За первые сутки перелёта, с антарктической станции на Кейптаун и прыжок над всей Африкой на Дакар, Данила

отупел и оглох буквально от шума моторов и криков людей, от тесноты замкнутого пространства и множества афро-евро-азиатских улыбок и лиц, сжался и сморщился от неприятно нахлынувшей близости чужих запахов, и глупо, по-мальчишески, перевозбудился: «Скоро буду в Москве! Три года Антарктиды кончились!»...

Но верно говорится, чем ближе к дому, тем забот больше: обязанности, обязательства, волнения, предчувствия... Предчувствие его не обмануло и он, оказалось, не зря пошёл проверять в Дакаре экспедиционный груз. Агент-сенегалец в белой рубашке, шортах и сандалиях на босу ногу, с полным жёлтых зубов ртом и желтоватыми же белками огромных глаз на шоколадном лице – долго вёл Данилу по коридорам, через ограждения и калитки, к багажным тележкам, прямо на лётное поле, к грузовой пасти винтокрылого монстра, где два негра пыхтели, распихивая коробки, чемоданы, ящики. Из-под приметного двухметровыми габаритами блока с надписью «Академия наук ... Антарктида – Москва...» текла влажная струйка. Данила бросился к ящику и стал ощупывать его, как больное живое существо:

– Температура? Какая температура? Рефрижератор?!

Агент заулыбался, закивал часто и подтверждающее:

– Но рефреджерейтор! Нот нид! Не надо! Понимай?

– Надо! Надо, Том!

– Нет надо! Том знаешь! Том райт! Олл райт! Лук!

Данила не понял последнее слово, пока агент не достал

из портфеля копию телекса: Лук! – «Смотри!» – догадался Данила, заглядывая в бумажку. По-русски и по-английски было написано, что в связи с прекращением финансирования, получатель груза – Институт... Российской Академии наук снимает требование по соблюдению температурного режима во время транспортировки груза.

У Данилы мгновенно начало чесаться всё тело, а перед глазами поплыли радужные круги: «Ошибка? Опечатка? В Москве этот груз никому не нужен?.. Институт... Российской Академии наук снимает требование по соблюдению температурного режима во время транспортировки груза...».

Содержание телекса ударило по голове, развалило сознание: «Что там у них происходит? Почему?! КERN антарктического льда, мерзлая слеза тысячелетий, ценнейший гляциологический материал – никому не нужен?! Конечно, опечатка. Конечно, недоразумение. Я сам все исправлю. Нужно! Это живой лед. Нельзя его губить. Он может сказать... Он скажет! За Антарктиду и холод собачий, за нашу работу и выюгу, за наших мужиков, за орден по имени Геология! За Землю, летящую в звездах!..».

Данила стал теревить агента:

– Нет стоп! Температура минус двадцать – нот лесс! Не меньше! Сколько надо платить?.. Я заплачу... Кэш! Я плачу кэш! Наличными! Делай, Том, делай!..

Том сделал. Что-то подписал, куда-то ходил, что-то ска-

зал, ящик опять поместили в рефконтейнер. Данила слушал урчание морозильной машины, ощупал ладонями, чувствуя холод, поднял вверх большой палец, одобряя. Том оскалился в улыбке, тоже поднял палец. Двинулся на выход, немного сутулясь, широко расставляя длинные худые ноги, слегка запрокинув черную голову с открытым губастым ртом. Данила удовлетворенно вздохнул, тихо и искренне...

Потом объявили чартерный рейс Дакар – Москва. Пассажиры гудели, как улей. Данила оглядывал рязанские лица и не мог понять их суетливой говорливости и жадного откровения.

– Здорово, славяне! До Савеловского далеко?

Мужик, лет тридцати пяти, крепкий, в белой рубашке и джинсах, протискивался по проходу, выискивая своё место, устало упал в кресло рядом с Данилой и продолжил, поясняя:

– Москва! Савеловский! Радость и тоска на лицах, будто по грибы от Торжка до Кашино полстолицы двинулось! Смотри-ка, – он с удовольствием крутил головой, будто оказался в театре. – А лица-то?! Родные, как солёный огурчик к случаю! Водочку – скоро подавать будут? Раас-се-я?! Меня Олегом зовут... Когда из Москвы разлетались, никто и ни с кем не разговаривал, будто перед новой жизнью медитировали... Когда на африканском базаре толкались – отворачивались, будто боялись, что кто-то попросит взаймы, хоть пять долларов... А только в самолёт на Москву сели – род-

ны-ия! Наговориться не могут... Откуда летите, простите?

– Из Антарктиды.

– Да?! Первый раз такого попутчика Бог послал. Что везёте? Пингвина? Китовый зуб? Холод? Грибочки-ягодки? Ха-ха, ха...

– Лёд.

– Лёд?! Для коктейлей?! С накладными расходами или та-моженной скидкой?.. – сосед рассмеялся собственной шутке.

– Нет, – смутился Данила, – это антарктический керн, лёд из скважины, для исследований.

– А-аа, а я думал для коктейлей...

– Нет, вообще-то, – начал Данила, – антарктический лёд очень здорово, когда его в стакан с жидкостью бросишь. Он шипит, будто шепчет что-то... – Данила улыбнулся, вспоминая. – Красиво.

Сосед ухмыльнулся.

– Красиво – это не коммерция, это только романтика! А много его там? – Сосед уже успел сделать знак стюардессе, и она поняла его, принесла два стаканчика с жидкостью.

– Антарктида покрыта двухкилометровым слоем материкового льда, – как на экзамене ответил Данил.

– А какая от него может быть польза, кроме исследовательской тайны и шёпота? – сосед улыбнулся, показывая прекрасные зубы, будто готовился откусить что-то. И протянул один стаканчик Денису.

– Пейте, студент!

Но Данила, взяв в руки пластиковый сосуд и пытаясь определить содержимое, всё ещё отвечал на вопросы.

– Вода. Пресная. Её не хватает на всей Земле. Полмира страдает от этой проблемы.

– Что вы говорите? Серьёзно?

– Я где-то читал, – ответил Данила, – что пять миллионов человек гибнут ежегодно от недостатка воды. Были идеи буксировать айсберги к берегам Африки и поить. Если иметь айсберг, то можно заниматься и коммерцией, – улыбнулся собственной мысли молодой исследователь.

– Фантастика! – похвалил его опытный сосед. – Только, смею заметить, чтобы зарабатывать деньги, лёд у вас должен быть здесь, – показал на голову, – запомните! Никакого романтического бреда – только лёд. За это! – и медленно выпил, пальцами проведя по горлу и груди, будто сопровождая поток до места.

Данила сделал глоток и вдруг сжался, крича больше глазами, чем захлебнувшимся голосом.

– Водка?!!

– А ты думал вода? Или полярникам спирт дают? К спирту привык? Отвыкай, студент... Дома – проще! Извини, без огурчика. – Он расслабленно распластался, расстегивая верхнюю пуговицу рубашки, вздохнул, улыбаясь, как солнышко.

– Но с душой, друг, с душо-оий!.. А на сон лучшее сред-

ство – стакашек. Учись. Он вынул из целлофанового пакетика чёрную повязочку для сна в самолёте и натянул её на глаза. – На длинных перелётах самое разумное и здоровое – отоспаться. Или придумать коммерческий ход, как в шахматах. Вот – про лёд, например. Шучу. – И всхрапнул неожиданно, а проснулся, кажется, уже перед самой посадкой в столице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.